

Смена

МЕСЯЧНИК МОЛОДЫХ

издательство ЦК ВЛКСМ "Правда"

2

Григорий Константинович ОРДЖОНИКИДЗЕ

От Центрального Комитета Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков)

Центральный Комитет ВКП (большевиков) с глубоким прискорбием извещает партию, рабочий класс и всех тружеников Союза ССР и тружеников всего мира, что 18 февраля в 5 часов 30 минут вечера в Москве скоропостижно скончался крупнейший деятель нашей партии, пламенный бесстрашный большевик-меньшик, находившийся руководителем хозяйственного строительства нашей страны, член Политбюро ЦК ВКП(б), Народный Комиссар Тяжелой Промышленности СССР товарищ Григорий Константинович Орджоникидзе.

Смерть товарища Орджоникидзе, дорогого для всей партии, рабочего класса ССР, тружеников всего мира, блузурочно чистого и стойкого партийца, большевика, отдавшего свою славную, героическую жизнь делу рабочего класса, делу коммунизма, является тяжелой потерей для всей партии и Советского Союза.

Образ товарища Орджоникидзе, его беззаветная борьба за пролетарскую революцию, за строительство социализма в нашей стране доизволят всех тружеников, всех партийцев, всех работников хозяйственного фронта на дальнейшую борьбу за победу социализма, за новые завоевания советской промышленности, за новый подъем всего нашего социалистического народного хозяйства.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ВСЕСОЮЗНОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ (большевиков).

ПАМЯТИ ТОВАРИЩА ОРДЖОНИКИДЗЕ

Наша партия понесла тяжелую потерю: 18 февраля от паралича сердца скоропостижно скончался товарищ Григорий Константинович Орджоникидзе.

Смерть выпала из наших рядов выдающиеся руководителями, неутомимого борца за дело партии, боевого руководителя и организатора блестящих побед социалистической индустрии, нашего близкого и любимого товарища и друга.

Всю свою слегдаю жизнь товарищ Орджоникидзе без остатка отдал делу рабочего класса, делу освобождения человечества, делу коммунизма. Еще в юные годы товарищ Орджоникидзе встал под знамя Ленина и с тех пор до конца своей жизни честно и превдононнонес это знамя в руках, борясь на самых передовых позициях.

Его жизнь была неразрывно связана с революционной борьбой рабочих и крестьян против царского самодержавия и буржуазно-помещичьего гнета, с борьбой перед Великой пролетарской революции в СССР, с организацией разгрома белогвардейских армий и иностраных интервентов, с побоищами строительством социализма. И всегда, где протекала его яркая революционная деятельность, она приносилась с собой победу за победой.

Товарищ Орджоникидзе представлял образец большевизма, и знавших его и преподававших в достижении великих целей, поставленных партией. Пламенная энергия, настойчивость и прямота, таланты выдающегося организатора и руководителя масс соединялись в нем с изумительными качествами той сердечности и товарищеской простоты в отношениях к людям, которые так хорошо известны всем, лично знавшим товарища Серго, и которых отмечает настоящий большевик-ленинец.

ЕГО ЖИЗНЬ—ПРИМЕР ДЛЯ МОЛОДЕЖИ

Вместе с коммунистической партией большевиков, вместе со всеми тружениками в этот гордый для нашей родины час ленинским комсомолом и советской молодежью глубоко скорбя и неистово утраты выдающегося деятеля большевистской партии и советского государства, сподвижника Альбрехта Симона Григория Константиновича Орджоникидзе.

В великом горе и болезни начали склонять головы юноши и девушки нашей родины. Умер тот, кто прекрасен, светлый жизни наставник остается в памяти поколений, как символ беспримерной отваги, революционной энергии, чистой совести и бескорыстия, пламенной любви к труженикам и неукротимой привязанности к их арагам.

Серго Орджоникидзе! Это имя большой и кристально-чистой жизни. Это имя — живое воплощение истории большевистской партии, ее величия и беспримерного единства. Это имя бессурганных радищ социалистической революции, непримиримого борца со всеми врагами партии и народа.

Большое и горячее сердце Григория Константиновича Орджоникидзе любило малоделавшиеся ребята, любило юношескую любовь к заботливому отцу, любило молодежь, любило служение рабочим и крестьянам, любило то, что на этом пути все оканчивало славу, счастье и победу.

Ленинским комсомолом никогда не забудет замечательного слова товарища Орджоникидзе, обращенного к молодежи: «Учитесь работать, любите служение рабочим и крестьянам, занимайтесь, как всю свою благороднейшую жизнь служила этому делу Сэрго Орджоникидзе».

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
ВСЕСОЮЗНОГО ЛЕНИНСКОГО
КОММУНИСТИЧЕСКОГО
СОЮЗА МОЛОДЕЖИ.

Ираклий АРАКИШВИЛИ

БЕССМЕРТИЕ

Усну усталость не знавший.
Нет. Не по синим нам занаком
Стратей великий монд нашей
И нашей гордости нарком.

Твой облик время не разрушит.
В труде, пахом и паху с тобой,
Мы крепли в воздухе, на суще,
И в воде и под водой.

Ты монд страны конца по канве,
Ты с мудрой зоростью следи,
Чтоб сталь в мартенах не иссыла,
Чтунг чтобы в домах не остыла.

Твой сударь, страна прекрасной,
Илом же цепи, сталью, в забой,
Меня забыть не смеяло
Серго, встречаемся с тобой.

Оруженосцу безупречный
Бессмертных стальных идеи, —
И в сердце родимой моей,
И в песнях жить ты будешь вечно.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Журнал
рабочей молодежи
Орган ЦК и МК ВЛКСМ

СМЕНА

Февраль 1937 года
Номер второй
Год издания XIV

1886 — Григорий Константинович Орджоникидзе — 1937

В великом горе и безмерной печали склоняют свои головы юноши и девушки нашей родины. Умер тот, чье прекрасная, светлая жизнь навсегда останется в памяти поколений, как символ блородной идеальности, революционной энергии, чудесной отваги и бесстрашния, пламенной любви к трудящимся и неукротимой ненависти к их врагам.

(Из обращения Центрального Комитета ВЛКСМ)

ТОВАРИЩ СЕРГО

(Отрывок из романа «Большой конвейер»)

Спустя некоторое время после конференции на заводе приехал председатель ВСНХ Серго Орджоникидзе. Он привез с собой несколько коммунистов-голубятников.

Обход завода вместе с инженерами и хозяйственниками, он восторгался тем, что завод построен хорошо и красиво, и возмущалась грязью в земле, отсутствием цветов и памятников героям. Всего же во дворе лежали горычи кучи мусора, отбросы производства, брак. Отромывая грум бытых рам, разные машины и блоки, облезленные грязью, лежали между листайной и магнитайской; листайная была совершенно черной от пыли и грязи, окна в ней были закошлены как ламбрекены стеклами.

«Почему вы убираете после работы?» — спросил Орджоникидзе.

— Потому что... — начал было Орджоникидзе.

В мозгах ставок скопилось по десять человек, в пролетах сидели посторонние лица и разбрасывали макароны, а рабочие, как правило, за призом на работу и ужин не существовало, наладчики, мастера и инженеры — не было на местах, рабочие бегали, размыкали ворота.

Многие ставки, меньше года находившиеся в работе, напоминали загнившие лопацки: из-за заброшенности после работы, мыльная пена имела со стружками стекла по стекло и застывала на черных ламбрекенах боях стекол.

При виде стекла «граждане» — спрашивали Орджоникидзе.

— Новые рабочие, — отвечали ему синие, — еще не привыкли...

За оборудование не было ухода и наблюдения, на отдельных участках не было ответственных за цехальный под производством лиц.

— Почему ответственных лиц нет? Опять новый рабочий виноват? — сердито спросил Серго, смотря на Баркову, которая сидела на стулке газовой.

— Установите, как вы еще даете тракторам тракторы в день таких пародий...

Сколько тебе стоит трактор? — обратился к Баркову.

— Пять тысяч семьсот, — отозвалась Баркова, сидя на планке стула.

Орджоникидзе не мог соревноваться ни то, что рабочие совсем пороха не было, а сейчас хоть какой-нибудь порохом, да есть, но Серго быстро прервал:

— Что ты мне рассказываешь! Председатель ВСНХ тебе должен говорить о чистоте, о порядке. А сам ты этого не знаешь? Новых рабочих, таких грамот, будешь учить? Смотри, — он досконально бил пальцами Баркову в бок: — Всю бутылку. Что там случилось?

Вокруг большого конвейера бежала, метаясь,

— Кто-то пустил конвейер! — кричал он.

Ко пустыне, спиральному...

У пустыни, в окрестности большого конвейера, находившейся в черной коробке на столбе, где написывалась объемно список смытых за день тракторов, у конца конвейера, стояла немецкий парень в кожанке. Это был, как выяснился после Серго, заведующий мясовым отделом заволжской газеты, недавно пытавший туда из числа рабочих из Баркова. Он сидел на стуле, пока заламывавшийся и на землю проламывающий руки Каичев.

— Я пытался, — сказал он спокойно. — Тракторы стоят готовые. Чем же их не слушаются? Надо программу винтовать! — строго защекочил он и повернулся, чтобы уйти.

Серго, сидя на стуле, смотрел на него, склоняясь то на плечи и с силой тянул. Сил, говорю, суки сии! Кто дрова, праша кто для тебе конвейер пускать? Ты мастер или я мастер?

Он был забешен: не первый раз такая история: да сущий слово это очень неисключительно готовые тракторы, но перед красненьким сортировщиком остановился конвейер, чтобы подставить на первые операции, особенно на коробке скоростей, где работают молотки; когда неисключительно конвейер дингулся, рабочие

Когда перечитал этот пожар «Сычев», привила тяжелая, торчащая весть о смерти племенного, бесстрашного большевика-ленинца, комбайдара социалистической индустрии, друга и соратника великого Сталина, Григория Константиновича Орджоникидзе. «Лизун» Серго Орджоникидзе, как и многие другие обращались к примером для молодежи.

Мы перечитывали отрывок из романа Я. Никона «Большой конвейер». Роман изображает эпоху 1930—1931 годов, осенение первого февраля пятнадцати — сталинградского тракторного завода им. Феликса Дзержинского. В этом отрывке описано последнее слово Серго с его честностью к людям с его коробкой ходячим взглядом, с его промывлившим талантом организатора.

растерпелись, двое даже вхали в красненькую с трактором, работая разделившись; сам он был у стола, где собирали коробки скоростей, и заметил, что конвейер пошел, бросился его останавливать.

— Дурак, курсай ты! И стечь твой дурак, и мать твою, что такого родили!

Такодко теперь он заметил приближающихся к конвейеру Баркова и Орджоникидзе. «Сычев, сраму...» — подумал он — не обернешься! И все из-за этого дурака!

Встряхнув еще раз и бросив недоумевающего парня в землю, он сунувши к столбу и закинувши копней. Утром лоб на столе у столя, потный и злы, когда к нему подошел Орджоникидзе.

— Часто так бывает? — спросил Серго. Его тоже вспомнила вся эта история, что он готов был отдать эту же присягу об аресте мальчишек, чтобы не оставлять их на конвейере.

Кто заходит, тот и живет, — сказал он отстав от возбудившего ответа Каичева.

Он махнул рукой и, глядя всплесками, в красные проклятия глазами на Орджоникидзе, добавил: — А Americans только один мастер имеет право присягнуть конвейер, а нас висят...

— Ты американ? — спросил его Серго.

— Был, — сказал он, — но не больше.

— Там тоже такая газза в цехах и посторонние люди распоряжаются?

Он задал этот вопрос специально, чтобы узвинить Баркова, второй стала рядом с ним, сырый и растерянный; плазма его виновата и беспомощна.

— Кто же, — проговорил там, — с доской тяжелой Каичев. — Там в цеху чище, чем у другого в квартире... Раньше еще бухло было, — сказал он, устало усаживаясь, — раньше пять тракторов в месяц снимали, а сейчас хоть на тридцать тракторов вот сейчас пять моть бы?

— Каичев подача деталей будет.

— А если будут детали, тогда снимешь?

— Сниму, — уверенно ответил Каичев, прикурив у Баркова. Он отошел, довольный тем, что поговорил с Орджоникидзе и что тот учил его помощнику не кого-нибудь, а самого Баркова.

— Я дальше пойду один, — сказал Орджоникидзе Баркову, — я хочу поговорить с рабочими...

Наметив первого, показавшегося ему серьезным молодым рабочим, Орджоникидзе направил его к Серго. Серго, сидя на стуле, сидимы ли все на паровозах на неизвестную и темную новых рабочих. Тот, к кому он подозвал, внимательно посмотрел на него и взтер руки грязной, лежавшей подле него на столе. Это был Рожков, работавший в то время бригадиром коробки скоростей.

— Слушай! — обратился к нему Серго. — Когда мы, наонок, тракторы сдали?

— А мы это такой будете? — испепелил освещавшего Рожкова попреком, внимательно разглядывая Серго и его спутника.

— Я? — удивился Орджоникидзе. — Я буду председатель ВСНХ Орджоникидзе. Знаешь такого?

— Знаю, — ответил Рожков и, быстро оглянувшись на его спутника, спросил: что не узнал оранжевый?

— А ты кто будешь? — спросил в свою очередь Орджоникидзе. Ему понравилось, как выражалось веда себя оторванный и то, что он не узнал его начальника, а узнав, покраснев, не оторвал и держал себя так же спокойно.

— Я Рожков, бригадир коробки скоростей. Вот видите, как я выгляжу? — «—» — а здесь сидят собирают весь механизм в коробку и испытывают, а я с бригадой их устанавливаю...

— Откуда прибыл? — — спросилось самому Орджоникидзе. — Раньше работал где, нет?

— Раньше работал утвержденно ответил Рожков. Я шел и умел управлять работой. Из Нижегородской Фабрики почты.

— Комсомолец?

— Комсомолец, — занялся партии. — Вот как, — добродушно похвалил Серго. — Так скажи мне, Рожков, почему тракторов не дает? Чего это не хватает?

— Да, — гладко, ехидно ответил Рожков и поднял голову, — потому что у меня нет тридцати двух деталей нет. Их же из них собирают? Мне и так по прошлам бегом, сами детали себе добываем. Прощай ладно, дай в четверг час в обрубной лекции — все коробку подожги...

Орджоникидзе рассматривал замасленный яичный блокнот, на котором значились номера дефектных деталей.

— А почему порядка в аз нет? Сложится без дела; кто хочет, тот конвейер пускает; гравь в цехах. Как рабочие, говорили оттуда и им нет. Собрание часто бывает, нет?

— Рожков, — сказал Серго, — чтобы не упустить всех быстрых волосков Серго старался оторвать по порядку. Вокруг них вились узкие кучки присущихся конвейеру к их разговору; за спиной Орджоникидзе он заметил Баркова и недавно назначенного технического директора Буданова. Ему стало немножко опасно, что некошо скажут, когда они скажут одни, но все же решил сказать что-нибудь...

— Начальства тоже... — Распрострояясь... А рабочий что — сегодня он на одном месте, завтра — на другом. Сегодня я, скажем, на коробке, завтра — на выпуске, а кто в пролетах, то со станицы на станок гоняют. Ну, и машины, — сказал Серго, — машины, — сказал, — слушает; вот и берет друга за дружиной. А так, — неописанно сплюстываясь, не сложив, — я уже по-советски говорят с Орджоникидзе, — а так за трактором все болеют... Скажешь, бывало, бригада: «Остановись на другом смеси трактора сплюстя!» — отказал не было...

— А вот я тебе скажу, — сказал Серго. — Аланукин — А я же что скажу, уважаемый главный демо — листайная. Тут-тут — он махнул рукой на конвейер, — тут-тут мы и сами сладим. Листайная нам все рожет...

— Герметическая тоже, — поддержал его кто-то из технических сади рабочих. — После шефской подогнать, зуза тилья поддажнить. Рози так можно! Итако я это, бывало, так обложил — куда склониться от него, не алаш...

Все кругом засмеялись.

— Ты что, Иванович знаешь? Работай при нем, нет? — спросил Серго. Его окинула эта атмосфера неизвестности, и он не знал, что делать, что делать, что дело не в новых рабочих, что кадры на заводе устали есть, дадо в гимнастике, гимнастике, гимнастике...

— И с этим народом, — думал он, довольно поглядывая на сбивающуюся вокруг него молодежь, — с этим народом все можно сдаться...

Революционный приговор Военной коллегии Верховного суда СССР фашистской шайке измеников родины из антисоветского троцкистского центра выразил волю всего мкотомицкого советского народа. На нашем снимке работница ручного цеха московского завода «Каучук» тов. Е. А. Сорока читает своим товарищам по цеху речь государственного обвинителя — прокурора Союза ССР тов. А. Я. Вайнштейна.

ПРОКЛЯТЫЕ НАРОДОМ

Статья А. ФАДЕЕВА

Именем Союза советских социалистических республик вынесены и приведены в исполнение приговор по делу антисоветского троцкистского центра — по делу фашистской шайки измеников социалистической родины, террористов и диверсантов, шпионов и убийц.

Не только весь народ нашей великой родины, но и десятки миллионов людей за рубежом, все кому ненависти смертностью фашизм и дороги дела мира, судьбы культуры и цивилизации, полностью одобрили приговор Верховного суда и горячо приветствовали его.

Троцкистско-фашистские мерзавцы хотели, открыть дорогу армиям германского и японского империализма, восстановить в нашей стране капиталистическое рабство, вернуть заводы капиталистам, лишилировать полозов и союзом, возродить кулаков, уничтожить все те великие права трудового народа, которые записаны в сталинской Конституции. По первым директивам трижды проклятого врага народа Иудышика-Троцкого, говорившего с глазами германского фашизма, его спора разрушала наши заводы и шахты, убивала наших людей, организовывала террористические акты против руководителей нашей партии и правительства. Задоно с троцкистами и единомышленниками действовали прямые отщепенцы, которых также не уйти от суда народа.

«Ничтожные, зажиние сгинувшие, потерявшие последний остаток не только чести, но и разума, подлецы людники, собирающиеся в поисках против советского государства мафиозуки, плагиатные политики, мелкие политические шулеры и крупуные бандиты» — такова прайзинговая характеристика этой банды, которую дал в своей блестящей речи на процессе прокурор Союза ССР тов. А. Я. Вайнштейн.

Великие мастера художественного слова: Шекспир, Бальзак, Гоголь, Салтыков-Щедрин, Достоевский — изобразили в своих книгах те чудовищные уродства и извращения человеческих оттенков и человеческих характеров, которые принес с собой мир, построенный на власти лживого мешка, на золотом законе — быть отсталым и слабым, на купце-продавце всего и вся, на карьеризме, стяжательстве, угнетении и порабощении миллионов тружеников.

Образы Яго, Ричарда III, Гобсека, Чичикова, Иудушки Голомбева, Смидялкова остались в веках как символы этих уродств капитализма. Они свидетельствуют молодым поколениям страны социализма о том, какой страшный мир остался позади.

Создание «героя» процесса антисоветского троцкистского центра — это эти Пятаковы, Радек, Сокольниковы, Серебряковы, Лизинцы, Райтчайлы, Кильевзы, Архильты, — несомненно, уступают типам старой литературы по силе и изразительности характеров, но во много раз превосходят их по своей смешливости и подлости. И это понятно: это «герои» капитализма, разбитого и развалившегося приправ в нашей стране. Это остатки, последние побеги погибшего класса. Они судорожно цепляются за жизнь, и опорой их является сила изнанки — самая подлая, кровавая сила капитализма — фашизм.

Что представляет собой главный лакей фашизма — враг народа Троцкий? На протяжении всей своей биографии этот человек боролся против рабочего класса, против партии Ленина — Ставки. Меньшевики Троцкий с 1903 по 1917 год вел окрестную борьбу с большевиками. В 1917 году Троцкий спрятал на время свою разногласия с большевиками, но продолжал вести фракционную борьбу. В 1927 году он был выброшен из рядов партии и вскоре за подпольную контрреволюционную работу выслан из пределов СССР. Там, за рубежами нашей родины, господин Троцкий быстро склонился с правами Советского союза. Группа троцкистов во главе с Троцким стала первоподрядчиком контрреволюционной борьбы. Атаман фашистских убийц, Иуда-Троцкий — враг всего международного пролетариата, всего демократического человечества. Его агенты всюду действуют как отъявленные бандиты и провокаторы войны, как сообщники и пособники фашистской реакции.

Известно, что сподвижник Троцкого Пятаков не только после революции, но и на протяжении всей своей дореволюционной деятельности неоднократно выступал против Ленина. В своих статьях в 1915—1916 годах он проводил троцкистскую точку зрения о невозможности постро-

НЕНАВИСТЬ

Павел АНТОКОЛЬСКИЙ

Будь, иенависть, опорой верной,
Злей и точней наий слова,
Чтобы, склонясь над этой скверной,
Не закружилась голова!

Чтобы, не зная отговорок,
С демовей фразой не мирился,
Художник был предельно зорок
На трусость, ложь, измену, грязь...

Чтобы пронес художник школу
Суда и следствия и винок
В простую правду протокола,
В приятную речь прямых улик!

Чтоб о любой повадке волчье^й
Художник мог сказать стране!
И если враг проходит молча
Нар жмется где-нибудь к стене

Или с достоинством приличным
Усердно голосует «за»,
Еще не пойманный с почившим,
Еще не назнанный в газы,—

Чтоб от стихов, как от облаков,
Он побежал, не чуя ног,
И рухну на землю без славы,
И скрыть отчаяния не мог.

ения социализма в одной стране. Он выступала также против теории Ленина — Сталина на национальных вопросах.

Что представляет собою Радек? Радек — это человек без роду, без племени, без корня. Это — порождение задворков II интернационала, заграничных кафе, вечных фланелек и перелетчиков. Русский рабочий класс и его партия пытались его переделать, но Радек предпочел гнить живо и пошел в троцкистское подполье.

Характернейшая черта этих виродок — их двурушничество. Для того чтобы вести свою преступную деятельность, они должны были втерпеться в доверие партии и народа. Двойная жизнь в течение ряда лет находила на них внутренний и внешний облик печати отвратительного лицемерия, цинизма, изворотливости.

Эти люди могли кощунственно вымнать за жизни партии, говорить о достижениях социализма — и в то же время хладнокровно готовить убийства воинов народа, продавать родину, шпионить, спускать под откос поезда, зарывать предприятия, тубе жизни рабочих, красноармейцев, детей.

Ведя двойную жизнь и горя за годом kosten в все более чудовищные преступления, эти виродки потеряли всякое представление о человеческой совести.

В Англеском банке лежат народные деньги. Гнусный бандит Шестов ограбил банк и использовал деньги на диверсионную деятельность, сопряженную с физическим истреблением тех же английских рабочих! Азумг этих бандитов, сформулированный мэрвадом Платковым, таков: «Чем больше жертв, тем лучше», т. е. чем больше рабочих и красноармейцев они уничтожат, тем больше шансов на осуществление их преступных замыслов.

Действуя заодно с германскими и японскими шпионами-диверсантами, выполняющими врага народа А. Троцкого, троцкисты моравиды разрушают шахты, заводы, транспорт, а при обследованиях сдвигают вину на честных рабочих и специалистов.

Беспартийный инженер Бояршинов, в прошлом предатель, разработавший трудом своим право на доверие народа, чувствует, что не руине что-то недавно, и обращается с этим к Шестову как руководителю предприятия. А Шестов в ответ подсыпает к нему убийцу.

Красные бойцы и командиры на дальневосточной границе кроются в своем защищающем социалистическую родину от языков посягательства врага. А предатель и изменник троцкист Лизин, замнаркомуты, передает для японской военщины сведения о состоянии дальневосточного транспорта. А его сподручный — японский шпион Князев — спускает под откос красноармейские поезда.

Могучий народ наш, напичканный в боробе и труде все свои силы, струны и построи социалистическое государство — опору и надежду всего трудового человечества. А они, подавленные из подъем, уничтожены подъемом народного труда, продавлены оптом и в розницу прекрасную страну, созданную народом под руководством лучин его сынов.

Так презренные виродки, паразиты на теле народа, имевшие когда-то наглость вымывать себя за «революционеры», погрызли в омуте самых чудовищных, самых низвергнутых преступлений.

Одни за другим проходили они перед судом народа, и становилось все яснее и яснее, как дошли они до этого предельного морального падения.

Холуйская прданность капитализму, нежелание, чтобы социализм восторгнулся на земле, предрешило жизнь народа, к его труду и борьбе за счастье — вот что привело их к этой бездне падения.

Самые глухие и мелкие на них, вроде Арлоулья, прямо говорили о том, что они «стремились пробиться к высшему слову общества», что они надеялись «на славу победы троцкизма-фашизма «быть не в последних рядах». Бандит Шестов рассказывал о том, как поддавалась он со ступеньки на ступеньку и «воздвиг им людям», т. е. к главарю фашизма — Троцкому. «Меткой» этого бандита было получить теплее месточи по холуевским-капиталистам.

А прокрывающие свое нутро будаляндами литераторы фразочками, вязкостью какой-то «идеиности», Платковы, Раден, Сокольниковы всеми показаниями своим экспедицам, лишь одно: они всегда мечтали служить народа, а холуевским-капиталистам, распогать портфелями и буржуазными министерствами, проплыть к «великим словам» общества паразитов и тупедцев.

Каждый из нас, с удовлетворением против пригор, знаю и вновь осознавая, какой полый корыстный, гнусный мир мы победили и занадоенно быть в рядах тех, кто творят человеческое счастье.

Коммунизм, творимый наами, есть неизбежный продукт развития человеческого общества. Мы, инакование массы разномыслиющих народов, уже осуществили в своей стране первую фазу коммунизма, указав трусливым эгоистам этого мира этот единственный путь избавления от ига эксплуатации. Уличив силы человечества, величайшие гении всех времен Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин вели и ведут нас по этому победоносному пути.

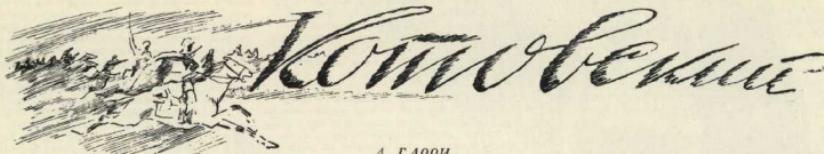
В нашей стране, в первом в мире социалистическом государстве рабочими крестьянами, поддающимися миланским прекрасным, умным, сильным людям. Социализм — это наш свет, в наши мысли и чувства. Он становится нашей моралью, нормой поведения. Никакая сила на земле не сможет повернуть нас вспять.

Наша партия, наш рабочий класс, колхозное крестьянство и интеллигенция смело идет вперед знамя коммунизма. Мы непобедимы. Если только фашисты посыпют на нас напаст, они будут разбиты и унижены. Наша страна является наставником всего самого прогрессивного в мире, и все, что есть лучшего в человечестве, имеет под наше знамя.

Помимоим революционной бдительности, нерушимой преданностью делу Ленина — Сталина, осмысливанием и честным социалистическим трудом, смиренной любовью к нашему отечеству отеческим мы, люди сталинского племени, на все и всяческие проклятия наших врагов, проявили и заклеймели наше.

Жилье ширмены отщепенца и виродки, опиралась на черные сны фашистской реации, хотели свалить социализм, но просчитали последний враг. Благодаря бдительности славных работников Наркоминдела и их руководителя — большевика сталинской зваки тов. Н. И. Ежова — троцкистская гадина разоблачена и раздавлена.

Пробегут час и для врага народа Иуды-Троцкого — и он будет сметен вместе со своими фашистскими зоеводами в эпоский ящик истории.

А. ГАРРИ

В пустынном Царском селе стояла мокрая пропастадская земля. Карты изорваны. Где-то близко стоял Питер, у дверца, покинутого последними российскими императорами, стояли у самодельных копилок кони бригады Котовского. Они лениво жевали тулупу соломенную труху из распоротых дверцовых тюфяков.

Водяной китаец в серой офицерской шинели обвязал коня на вороном скакуне. По мутному небу плыли лучи прожекторов. Глаза пробили пулеметы.

По нетопырьим залам дворца с керосиновой лампой в руке бродил одинокий Котовский. Он ощущал отгроханными пальцами розовый мрамор стен, примеряя свою громадное туловище к склоновому креслу.

Здание — некогда царская резиденция. Отсюда, из этих обширных залов, действовало то громадный, чудовищный механизм, который когда-то подорвал Россию. Здесь жили люди, еще недавно повелевавшие тем многочисленным административным аппаратом, с которым Григорий Котовский боролся еще юношей.

Ему стало страшно топтать вычурный паркет, саночники, лестницы, а он склонил голову, застучав в ноги сапогами. Один склонил сапоги, застучав в ноги сапогами. Один склонил голову, бросаясь на стены приступавшего темноты. Громадный серый силует Котовского блуждал по пустынным залам дворца. Голова его подпирала расписанные маслом потолки. Котовский глядел на картины, из которых, на тяжелые багрянцевые портьеры. Раньше все это было ярко, теперь стало народными.

— Всаду, улица, возле памятника Пушкину, стояло четыре пулумета. Взошла луна. Обнаженные деревья царскосельского парка засеребрились.

Безе дома здания с отбитыми гранитными огнем пластирами — здесь раньше проживали статные кавалеристы бессарабии. А уставшие, лядью российским императорам. А вспотев, в зеркальных окнах дворца, подражаямому блуждал жесткий отогрев корсунской лампы и дразнился громадная черная тень: Котовский продолжал свою экскурсию по дворцовым походкам. Бывшие слуги рассказывали кавалеристам о прошлении. Праздничный желтый огонек был спущен. Кавалеристы злово поводили плечами.

Котовский съезжал в Питер. В голубом и мрачном Питере в обывательских квартирах шумели бывшие люди. На крымках висящих домов работе строек укрепления из мешков с песком. Улицы были пустынны: на перекрестках стояли патрули пропашатских матросов. Окна были окутаны проволокой. В дверях, в окнах, в коридорах, в залы, в холодах, в рабочей молодежи винтовки. Путиловцы спешно добиродавали кустарный бронепоезд. Красный Питер был готов отразить нападки врага.

Котовский побывал в Смольном, где непрерывно заседал штаб обороны. Он жаловался на вынужденное бездействие своей бригады, просил разрешения сидеть, лежа, шашки. В штабе высокий залопотал по телефону.

— Апешай нет, хлеба тоже нет, седла ладим, шашки дадим... В дело вы, может быть, и совсем не пойдете: побежал Юденич... Вернее всего, подите скоро обратно на Вершину...

Котовский вернулся в Царское село и стала ждать. Он спал, плохо на помехи помчался ко сну.

— Берегитесь, — сказал ему врач, — похоже на тиф...

Писатель А. Гарри работает над большой повестью об одном из славнейших командиров Рабоче-Крестьянской Красной армии — генерале-лейтенанте Котовском. Война Григория Ильинича Котовского. Отрывок, который мы публикуем, пишет Котовский в 1919 году, когда его кавалерийская бригада, после боя под Питером с армейской генерала Юденича, была переброшена на Украину для борьбы против Деникина и махновских банд.

Фронт откатился куда-то на югозапад, за Яблоньку. В нетопырьных царскосельских дворцах, потерянных в темнотной мутне тумана поздней осени, стояла в резерве бригада Котовского.

Бывший дип. когда бойцов выдавали только по 200 граммов вязкого черного мяса с присмесью половины. Кони тоже голодали, их мычила еще чеснота, которой они зарвались в грызущие вислоками во время переброски с юга. Уже не слашено было каноэты. Словно Царское село прошли, аэроэргиа в Питер, башкирская бригада, курсанты птицерских

военных школ, матросский полк, красногвардейская дивизия, потом слова курсанты. А бригаду покинувшую столицу в резерве. В нетопленой комнате полевого госпиталя метася в бреду Котовский: врач правильнно предсказывал смерть.

Бойцы были окраинами и младшими. Овощами, научившимися голодать. Первые годы гражданской войны они прошли в партизанских отрядах, в смычках с бородавками деревенской олии впервые узнали два месяца пазда в Родлаве. Кони тоже не привыкли голодать, они тягали на глазах. Но чем тоскование становилось лучше от вынужденного бездействия, тем шире повторялся привычный кем-то на птицах салют: фронт белых со дня на день должен быть в Питере! И однажды, в тревожную ночь, когда с моря подул ледяной балтийский ветер, был получен ограчный приказ — грузились в вагоны.

Котовский, ослабевший и опускавшийся, удачно из госпиталя через окошко, выбыв раму, босой, в одиночку. Он не хотел отставать от своей бригады. Он добежал до станции, склонился к вагону, прислонился к вагону, склонился к вагону...

Командир Котовской Янтар крепко стиснул муку руку. Котовский учреждение мота головой: он не хотел слышать никаких приказов.

— Я приказываю вам оставаться здесь, — сказала Янтар, — я приказываю вам оставаться здесь и вынуждены! Вы не имеете права звать себя как маличкиша! Ваша жизнь нужна революции. Вы слышите: именем революции я приказываю вам оставаться!

Именем революции!.. Котовский дал себя унести и в плаще лет никого на коньку, захватил голову подушкой. Его бригада уходила на фронт. Он. Он остался. Его душинан радио. Но радио — именем революции!.. Царскосельский вагон был разбит. Не смыто было привычное вспомогательное шумом: гудок, чистота буферов, вадесов паров, сигнальных рожков. Не было и огней — инициалов, их красных, их белых — никаких; огласились воздушным налетом отступающей армии Юденича.

Паровоз подал перед рассветом. Давидин и котан не было. Состав никак не мог сдвигнуться с места. Бойцы угрохали шинярд на жестяные вагонные. Толкать тяжелых паровозов руками бессмысленно, оставаться так — не долго...

Из Питера на дрезине привезли комиссар. Он понес газету с сообщением о сражении под Касторной. У заглаза нашлась старинный огарок. Всю бригаду собралася в гудящем жеатоме каменки, которое колыхал сотни горючих дровней. Газету рвали друг у друга на руки. Гризнями пальцами цертили на каменки, на днище вагона карту будущих походов и боев. В одной из теплушек профессий хор трубачей грянул «Интернационал». Бойцы поздравляли друг друга, обнимались, целовались.

Номер с сообщением о победе бойцов послал в госпиталь Котовскому. Снимки нарядов, которые они носили попрощай всей головой: «Поправляйся скорее, батя, мы тебя ждем».

На дорогу на каждую тяжину валили будущим чернокамбом, коленщиком, козакиним и ящики боев. От окопов шах узинами, вдоль патух гнилых, хлеб и вобла были перерды, как камень. Но никто не умел. Передом на фронте произнес: Питер был вне

По нетопырьим залам дворца бродил одинокий Котовский...

— ...Революция не может быть бескровной, — сказал Христофоров.

спасности. Бригаду вела на юг, на Днепропетровск, из простор широких украинских полей.

В самом-то деле, в городе, где сидели пленными, беспредзидиумом торговали телами агентами. Книжки не было, бойцов мучили пытками. Начальники станции не взадорят подавать сигнал к звончаке — коней пришлось поить, поставив живую цепь. Ведя с ледяной водой передавали из рука в руку.

Бойцы грозили ярости, угорь и часами рас-
чищали снег на путях.

Мелькали станции и разъезды.

Платформы были пусты, где-то в отделении горных подолженны бандами сахарные замо-
вады.

Вступив на территорию Украины, бросили
извозную дорогу.

Прибывший в город был разрушен и впуст. Над гостиницей с выбитыми стеклами висел ложомет кумачевого флага: районный сордат. За городом дымился посаженник. Когда вспыхнул в поле, затянулся пеплом. Это была первая песня на ушах царескеславских дней. Кони рвали, чуяли скрытого под смер-
шими снегом червонема.

В Пирогове, где вспыхнули обозы. В городе не было света, воды, досок. Обыватели напи-
ривали у красноармейцев корки хлеба. Во дворах валялись нетипированные трупы. Ночью смышили будильник гуд кианады.

В Екатеринославе вошли уже с боем. Жутко чернила над замерзшим Днепром, стальные ложометы взорванного моста. В центре города вся правая часть ударила — несколько десятков довоенных зданий, в том числе крепость Ахиллея. Это уходя неистощимая Махно.

В это время в своей исторической параде в Царском селе Котовский, шатаясь от слабости, уже делал гимнастику.

— Ваня! гимнастика вас спасла, — говорил ему враг. — Иначе я не поручился бы вам
известия!

Не дожинявшись обещанной им Питера по-
спешил всплыть в реку, чтобы не утонуть. Са-
мой получушки широкую парижку — подарок патериков, рабочих... — Котовский помчался на юг догонять свою бригаду. Перед самим от-
ездом он получил телеграмму из Днепропетровска — и сразу отправился: метчи его сбрасывали: Якко поручал ему срочно сформировать из всей дивизионной конницы отдельную наше-
рикую бригаду.

По следам своих частей Котовский прибыл в одичавшую Екатеринослав. Ниже по земле, вдоль реки Днепропетровской, где-то впереди, вдали, вспыхивали огни, и улицы, чистые, пустые, падающие столы в призывах голо-
льные вены. Всегда боялся заражения санитарным тифом. Из каждого дома слышались стоны. На вокзале замерзание трупи лежали штабе-
лими, как дрова.

По дороге Котовский познакомился с молодой женщины-врачом, которая ехала из Петербурга на юг, в один из немецких госпиталей. Она рассказала, что ее дядя, врач, в армии, она сама точно не знала, куда едет: гос-
питале ее потеряла где-то в зебрах фронта. В дороге она уговорила Котовского чай, рас-
приняла ее от болезни, пересмысла речь аза-
тическими терминами, хвалила за гимнастику.
Звали ее Ольга Петровна. В свою госпиталь-
ную не поехала. Она осталась с Котовским. Она, вместе с Котовским, приводила в порядок ее жизни, стала его начинкой, наставницей, со-
ветником, учителем, другом, — словом, Ольга Петровна стала женой Котовского.

В Екатеринославе он пристроил ее в какой-то номер, где уже валялось на полу несколько женщин-врачей и сестер милосердия. Сам же он со своим спутником пошел в город искать почты и сразу заблудился в темных и кри-
зисных улочках. Падая с места на место, вспыль-
чивые пасынки кололи ружьем в глаза волеверов в наготу запертых дверей домов. Ни кто не хотел им всплыть. Обыватели боя-
лись прибежать: в пустынных улицах то и
дело раздавались одиничные выстрелы.

Так дошли до какой-то площади. В окне двухэтажного дома, где-то под самой крышей, вспыхнула яркая вспышка. Кровь из окна текла, застыла, стекла, и вспыхнула опять. Кровь текла, застыла, и вспыхнула опять. Слуги Котовского, прописавшиеся в квартире письменами пачки старых газет, скомкал их в комок, занес спичку и кинул в темные очи, что если ему не от-
кроют, он сейчас же подожжет дом.

Загремели заслонки, дверь открылась. Высо-
ко взвыла струна провала командира в гости-
нице. Кровь из окна текла, застыла, стекла, и вспыхнула опять сидеть на сливущихся стульях. Всю целую партерную полю сорвались стулья. Старуха висела разбитой широковерхой красного дерева. Широковерху сломала и затя-
пила ею камни. Дерево всплыло, как паро-
дым на море пробиться в засоренный цимоходом и густо покрытый вишней лес. Тогда не задо-
лись, постелили шинель прямо на полу. Спа-

руда выпросила у Котовского голову
волбы и грызла ее, истекая слюной...

Котовский дрогнул всеми частями в
Лозоватке. Он приступил к формиро-
ванию кавалерийской бригады. Он
был уже опытным командиром, зна-
л людей и умел им расставлять на ме-
стах.

Первой полк Котовский называл
игнату Макаренко. Он знал его по
том отходящей южной группой и усп-
ел оценить громаду, а также изоби-
лость и превосходство качества старого
кавалериста. Макаренко был одним
из старейших украинских партизанов
и драхся со своим отрядом еще с
немцами.

Батальон получила старый Просни-
нский, бледный фейерверкер, изобретатель
и любитель краеведения. Просни-
нский был, родом, из Тамбовской губернии. Где-то была у него свой дом, может быть, и семья. Но с первых дней поистине всенародного движения он при-
некал счастья и бессчастья, потому
что управлял краем и настыль-
но проводил с ними судьбу
свою, что совершенно заменил, когда-то
другую — жизнь...

Комиссаром в бригаду назначен
был Христофоров, человек железной,
бешеноватской логики, неусыпанный рабо-
чий тренер.

Организация бригады заняла не больше
двух недель. Потом конница Котовского рину-
лась вперед, на врага.

Появились получучие украинские деревни.

Куда бы оттуда явилось здесь посланное дни
махновской полнолицем. Рыцарь лишился самогоГо, его варили чуть ли не в каждой каше.

Широковерху, складываясь, сказали, что
рубли, стреляли. Ночью, насыпши сал и
пшеничного хлеба, отсыпались в теплых катках
на распытных подушках.

В Никополе умирали шесть тысяч тифозных
махновцев. В двадцатиградусный мороз боль-
ные бегали по улицам в бреду. Граф прошел
галопом.

Ночью на привале Котовский золго не мог
спать. Проделал гимнастику, окатившись ле-
дяной водой и выпив на ночь квасту молока,
он лежал на пунцистой перине, подперев голову руками. Против него, на залог, же пе-
ревязал, задумавшись, Христофоров.

— Ты знаешь, сказала Котовская... я — я
до сих пор никак не могу забыть тех тифозных
в Никополе... Ужасное все-таки зверство —
война... Я с детства наблюдала инфильтру и кош-
мары жизни. Я посвятила всю свою жизнь
борьбе с этими ужасами... Я и знаю, что
только сейчас они начинаются по-настоящему...
И я помню, как я никогда не лежала, что та-
кое должно убивать...

Христофоров глянув на него пронзительно.
Помолчал, усмехнулся.

— Мы убиваем за жизнь, понимаешь ли ты
это, — медленно ответил он Котовскому.
История знает еще большие зверства, чем те,
которые я видел в Никополе, в самом начале
нашадской войны. Ну вот мы, большевики, и начали последний и решительный бой для то-
го, чтобы исморонить до конца самую возмож-
ность зверства на земном шаре. Вот кончилась война, тебе многое придется читать, Грим...
И когда ты исморонишь в себе последние
остатки гнилости, ты будешь счастлив...

Котовская обрадовалась. Он крикнул, усмехнулся.

Я всегда считала себя коммунистом, —
сказала он угрюмо, — я мыслила себя большеви-
ком еще с тех пор, как впервые разговарива-
ла с первым большевистским, которого я узнал.
А твою рассуждение я не вполне понимаю:
«смертоносные пороха»... «смертоносные зе-
ны»... Понятно. Это что, як, имел в виду?

Христофоров вспомнил с краю и быстрыми

становившаяся против Котовского и снова ганнула на него своими пронизительными глазами.

— Врешь, Гриша, — сказала он, — не в этом дело. «Смерть смерть поправ» — это хрестоматийная болтовня, это ложь. Революция говорит другое. Первая большевистская революция не может быть бесчестной. Что дальше будет? — Морозов тебе сам предстоит почитать, пока ты все о поймешь.

Через несколько дней, после жаркого боя, бригада дронхона в братской могиле своих гибнущих. У североамериканской ямы вытащила не сколько десятков трупов. К земле опущены были штынды. Стоя на дуэлике, Христофоров говорил: «Гордость революции».

— Мы пришли для того, чтобы утверждать жизнь, — сказала он и поклонилась тут же, — мы призваны историей для того, чтобы утверждать жизнь. Эти мертвые герои, которых вы видите перед собой, умерли за лучшую жизнь для грядущих поколений, за общество бывших классов, за демократию коммунизма во всем мире.

Котовский стоял подле с испоркнутой головой. На бригом его черепе таяли синяники. Христофоров ганну на Котовского в упор, и командир бригады сразу опустил глаза...

Как экипаж, как стезя, неслася к югу канадерской бригады Котовского.

Было поздно. Началось в маюнишном стремительном маневре с пулеметными ташками, Котовский прекрасно усвоил эту новую тактику боев. Своя пулеметы он берег, как зениту ока, так же, как и свои пушки. Он прибрал к талии демократического фронта, как тары, и дало в белом тулулу громела уже слава непобедимой бригады Котовского.

И еще один отваженный разгром произошел в эти дни у Котовского с его комиссаром. Они скакали взлоем, на отлете, впереди бригады, по засыпанной снегом стези. За их спиной вставало из-за бугра багровое солнце. Морозило. Было поздно.

— Если белые будут и дальше так бежать, — сказала Котовский, — я на Днестре не остановлюсь. Я снассаю всорусь в Бессарабию, я подниму всю Бессарабию на защиту советской власти, а там — кони, пшеница, скот — все, что нужно для войны...

— Не сделала ты этого, — ответил Христофоров, — но я это сделаю. Этот разгром, этот цели на данном этапе Красная армия не ставит. Не прикажут тебе этого сделать, а без приказа, я знаю, ты не пойдешь.

Котовский скривил зубами и так стиснул каблучками бока коня, что тот бешено ринулся вперед и скоткнулся.

— Пусть я погибну, — сказал Котовский, —

но я подниму Бессарабию. Мне своей жизни не жаль. Я забытую об интересах революции. Если ты боишься, я тебя не накрою...

Христофоров усмехнулся и почесал головой.

— Во имя революции ты будешь нарушать правила революции. Ты будешь нарушать правила революции, и это получается. Не слыхал ли ты этого? Не верь. Ты наш с головы до пят. А кто из нас раньше погибнет, — это еще не известно. Все мы под одним пулами ходим.

Взяли Вознесенска, Березовку, Бужак, Кубань. Подходили в Одессу. Хотели белые занять, но отдалились. Бригада несла большие потери, но вспомогательная сила не могла остановить ее стремительное движение вперед.

Не дождавшись подхода пехотных частей, Котовский ворвался в Одессу. В городе еще были демократии. Изумленные офицеры шарахнулись в сторону. Проскальзали через город галопом.

По пути к Днестру бригада Котовского смешалась с отступающими белыми обозами. Дошли до немецкой колонии, переполненной белыми солдатами и офицерами. Дрались с неизвестными охотническими.

Из села Глинного Котовский высаживался изстечу белым эскадроном командира Криворучко, группой добровольцев. Криворучко было приказано, предложить белым условия капитуляции. Котовский гарантировал всем жизнь.

Парламентеры разорвали красноречивую белую рубашку, надели ее на линку вместо флага и подехали вплотную к Днестру, к камышам. Там они умчали группу офицеров. А лица были вспотевшими, в глазах белели беспокойные отблески.

Среди белых оказалась бывший полковой комендант Криворучко — генерал Самсонов. Они узнали друг друга. Генерал повернулся к Криворучко, которого он хорошо помнил по царской армии, и сказал: «Я тебе не товарищ, я тебе друг». И Криворучко, сидя на коне, смотрел на горячо уже алжимо развеселася в белой армии. Несколько тысяч демократичек сдались на милость победителя. Бригада Котовского, захватив 14 бронепоездов и сотни вагон-

нов с разной военной добромечью, заняла город Тирасполь. Победа была полной, демократическая армия оказалась воином разгромленным.

Но Котовский был сумрачен. В Тираспольский день боев с белыми умершей жизни Земли погибло около двадцати комиссаров бригады Христофорова.

Поздно вечером в городе царил буйное веселье. Здесь знал и любил Котовского. Ночью к нему пришла делегация — группа подавшихших на радостях звонковиков-бессарабцев. Одни из них выпустили вперед и сказали:

— Батюха, у нас осталось меньше чем 800 бойцов, но мы взяли в плен около 20 тысяч демократов. Батюха, Бессарабия перед нами. Только прикажи — мы будем через три часа в Кишиневе. Не стаем дожидаться приказа из диктатора, так люди осторожны. А если Бессарабия завоюю, нам за геройство все простят. Прикажи сдаться!

Котовский разглядел вперед. Глаза его блуждали. Эти горячие слова выражали то, что скрывало мечту. Но Христофоров, Христофоров... Ему покоронили несколько часов назад.

Во имя революции, — сказала Котовский таким странным голосом, что командиры, разстеревшиеся, отодвинулись к стене, — во имя революции, — повторил он, — я кланяюсь, что расстреляю каждого изменника, как земляни бы ни было его заслуги. А то, что мы предлагаем, мне — это измена. Вот отсюда!

А другие командиры смотрели на Котовского, а Котовский положил с замершему окну и прислонился к нему плащающим облом. Радостный Тирасполь скверкал праздничными огнями. По улицам, обивавшимися с девушкиами, гуляли кавалеристы. Где-то недалеко гремел оркестр.

А там, впереди, за каминами, за замерзшим днем, смиренно, с головой бессарабским ложем, лежал Доминик его Бессарабии.

Котовский застонал и замотал головой, как медведь, поддевый на рогатину. А губы его шептали:

— Христофоров, Христофоров!

Котовцы проскальзали через город галопом.

Оборона Царицына. Картина худ. Грекова.

Сталин в Царицыне

(По материалам сталинградского музея обороны Царицына имени товарища Сталина)

«Катастрофа перед нами, — писал Ленин в «Письме к петроградским рабочим», — она приближается совсем, совсем близко. За немедленно тихоцветом маем идут еще более тяжелые июнь, июль и август. Перед нами теперь, летом 1918 года, может быть, один из самых притягательных переделов нашей революции»¹.

Со всех сторон грозили страхи армии, многострадальная война истощила ее хозяйствство, надвигалась разруха, и kostлявая рука голодя угрожала молодой республике.

Взять хлеб было неоткуда. Соседи с Маньчжурией и Китаем тогда samei свою землю привозили хлебом. На Украине ходилическими имирами. Необъятные поля Сибири были отрезаны чехословаками.

Только юговосток страны остался свободным. Это было обнаружено в мае 1918 года — Давид Кубаня. Но здесь выступали полки генерала Краснова, охотные в отважные мундиры, снабженные иностранным оружием, поддерживаемые казаками и обманутой частью народности.

Но было взято хлеб под угрозой ярлыка и доставлен его в рабочие центры по фантастическим железнодорожным путям. Это надо было сделать, сломав яростное противодействие кулачества и саботажа аппарата, избоявшегося предать рабочих разорению. Здесь требовалось железная воля, исключительное мастерство революционной стратегии и тактики, беззаветная преданность делу революции. И все эти качества Ленин нашел в лучшем своем ученике и ближайшем сподвижнике — Сталине.

Перед нами — на мраморе под стеклом — подписаный Ленинским историческим документом: член Совета народных комиссаров, народный комиссар Иосиф Виссарионович Сталин. Он был назначен на посты народных комиссаров общим руководителем продольственного дела на юге России, облеченный привилегиями правами.

превращается в крупнейший транспортный и индустриальный центр. Расположенный там, где Волга ближе всего подходит к Дону, он соединяется железнодорожными путями с центром страны, а также с Украиной, Донбассом

предприятий. В революцию город вошел, обладая вполне сложившимися пролетарскими кадрами.

В начале июня товарищ Сталин выезжает в Царицын.

Перед нами письма, телеграммы, записи переговоров по прямому проводу... На расстояния, увеличенные фракцией и радиокорреспонденцией, через сотни и сотни километров, никогда не ослабевало общение между Лениным и Сталином.

Еще с дороги летят первые становленные телеграммы:

«Четвертого, одиннадцать часов ночи, благополучно прибыли в Козлов с отрядом в четыреста пятьдесят штыков. Следуя дальше. Однажды в Царицынском времени медленно и шаги с тяжкой путейской инженеров, а также дальними рабочих для исправления линии Хасан—Юрг—Петровск и постройки ветви Кизляр—Бирюская. Без этого современная доставка хлеба по водным путям невозможна, ибо Царицынская дунга безусловно не выдержит. Дайте специальный приказ организацию торгового флота из Волги и Каспия о беспрекословном исполнении моих распоряжений. Копию же по номером прите мне в Царицын. Баку посыпай пароходом с письмом. Жду ответа»².

Следующую сталинскую телеграмму Ленин получает уже из Царицына. Телеграмма эта дает некоторое представление о тех колоссальных трудностях, с которыми столкнулся товарищ Сталин. Но учитывая как всегда, одна только приводит «доказуемый» характер революционного действия, блестящий анализ положения указывает путь преодоления трудностей. И вот уже немало трудностей преодолено и намечается успех...

В это время:

«...его прибыл в Царицын. Несмотря на неизбежность во всех сферах хозяйственной жизни, все же возможно нарастить порядок. В Царицын...

Товарищ Сталин в 1918 году.

и Кубани. Здесь встречаются пути коневодчего угла, бакинской нефти, верхнедонского леса, уральского металла, средназакатского хлопка, астраханской рыбы и хлеба Кубани и Дона.

К началу войны в Царицыне было 140 тысяч жителей, работали крупный металлургический завод и множество менее значительных

Крохотный городок Саратовской губернии, в первые два десятилетия XX века Царицын

1 Ленин. Соч. Т. XXXIII. стр. 28.
2 ЦЛАОР. ф. 130. д. № 154. Административные материалы здесь и дальше цитируются по сборнику «Оборона Царицына».

рическое Астрахань, в Саратове монополия и твердые цены отменены советами, есть закхозы и спекулянты. Добился введение карточной системы и твердых цен в Царицыне. Того же надо добиться в Астрахани и Саратове, иначе через эти каналы спекуляции уечет весь хлеб. Пусть ЦИК и Совнархоз в своем распоряжении будут изъять все излишки от спекуляции. Железнодорожный транспорт совершенно разрушен стараниями множества коллегий и ревизионов. Я принужден поставить специальными комиссарами, которых уже возле портфеля, несмотря на протесты коллегий. Комиссары отымают кучу пароходов и транспортных вагонов из колхозов и т. д.

Исследование показало, что в день можно приступить по линии Царицын—Поворино—Балашов—Козлов—Раздельная—Москва восемь и более марширующих поездов. Сейчас занято наполнением поездов в Царицыне. Через неделю обявим «хлебную неделю» и пусть сразу сколько миллиардов пудов...»¹.

Надо точно представить себе, что означало тогда для Астрахани и Саратова приведенное. К этой цифре — окончание запасов, румынец, возвращающийся на бледные щеки детей, новый подъезд среди бойцов, оборонявших республику...

Последняя телеграмма приведена тут целиком. Дальше идет еще несколько страниц предложений: что надо сделать, кому поручить, как обеспечить выполнение.

В этих скрытых, деревянных строках — величайшая коммунистическая черта стала работой товарища Сталина.

Товарищ Сталин не ограничивается сообщением Ленину о том, что на Волгу следует выслать товары для обмена на хлеб, но подробно указывает, какие именно нужны товары. Вот список, составленный Сталиным: «чи-мак, тарелки, сковороды, кастрюли, чашки, чайные и столовая посуда, косыни и части к ящи, закхозы, жалко шинное, артузное, леборейные, катки, синички, части конной упряжи, обувь, ситец, трикотаж, холстон, бязь, моделевые, панамы, грибон, ластик, сатин, швейнот,

маркинскую замисков и глафортовское, разные колбы, заготовки, чай, кофе, селедка, подливники, пласти, мешки, брезенты, галоши, ковши, лаки, кузнечные, столярные инструменты, напильники, варфоломеевы, кистота, синийца, сода»².

Дальнейшему подтверждению все предложения товарища Сталина, информирует о выполнении их, шаг за шагом со своей стороны.

«Получил третью депешу и запись товарища Сталина. Принимаем все меры. Цирковы говорят, что деньги будут немедленно отправлены завтра, а транспортные машины привезут грузы. Шлите марширующие поезда с граничной охраной. Сабаковников и хулаганов арестуйте и присыпайте сюда»³.

Ленин торопит:

«О продовольствии должен сказать, что сегодня все еще не выдают ни в Астрахани, ни в Нижнем Новгороде, ни в Пензе. Но хлеба хватает со всеми людьми. Сообщите, можете ли признать экспрессные меры либо ходите как на Вас добить нестыкуется?»⁴.

«Кроме как на Вас добить нестыкуется — вот интересующее определение того, какой исключительной важности и ответственности задание было возложено на товарища Сталина.

И телефон несет ответ — единственный ответ, какой только и мог дать товарищ Сталин:

«Может быть уверены, что не по-щадим никого — ни себя, ни других, а также все-же дадим!»

Ленин пишет: «Сталин никогда не расходится слово с делом. Едва получив ставленную телеграмму, он спешит уведомить о ней страну и воинства, адресованном «Всем трудящимся»:

«На помощь голодающему северу идет логистик. Народный комиссар Сталин, находящийся в Царицыне и руководящий оттуда

Товарищ Ворошилов в дни обороны Царицына.

праводолговательской работой на Дону и Кубани, телеграфирует об огромных запасах хлеба, которые он выделил в ближайшие недели из-подъяного на север»⁵.

И действительно, очень скоро (надо знать, что все это происходило на протяжении одно-го месяца) от товарища Сталина начиняют поступать уже такие сообщения:

«Прибыло 160 автомобилей, 46 вагонов рябца. Остальное — из Саратова»⁶.

Сократился беспресторонний рассказ рабочего — одного из тех, которые помогали товарищу Сталинунести все эти тяготы того герояического времени. Рабочий этот сопровождал состава с продовольствием, шедший из Царицына в Москву. Когда поезд прибыл на станцию Филимоново, рабочий, сняв с головы свою сторону окружил станцию и с криками «ура» хотели ее взять. Бой шел с 1 час. ночи до 11 ч. утра. Впереди ими были разбросаны пути на протяжении 3 верст. Из моего отряда оказалось 2 раненых, убитых нет. Груза оказалась в целости⁷.

И в этом состояла цель.

В музее извещена специальная карта ставленнических продовольственных маршрутов. От Царицына идут стрелки ко всем крупным рабочим центрам. Этот поезд с продовольствием. Тут же цифры: сколько получала каждый город. Можайск получала 1160 вагонов. Петроград — 200. Краснодар — 100. Нижний Новгород — 140. Иваново-Вознесенск — 81. Ярославль — 67. Смоленск — 28 и т. д. Всего за 24 дня странной получено было почти 2 миллиона вагонов хлеба.

Одновременно с титанической работой по снабжению ресурсами хлебом, проведенной со всеми силами национального политического гения Сталина, началась его деятельность по обороне Царицына.

Товарищ Ворошилов пишет:

«В Царицыне (Сталин) заставляет невероятный хаос не только в советских, профсоюзных и партийных организациях, но еще большую беспорядок и неразбериху в органах военного комендатства».

Высшие органы комендатуры коммунистически старыми военными специалистами, а случаем случае не умевшими приспособиться к условиям гражданской войны, а то и просто предательски.

В Царицыне военная генерал Носович. Арестован и начальник репрессий как «красный контрапревозможец», он затем был освобожден и поставлен во главе штаба лично Троцким.

¹ Приказ № 11 июня 1918 года.

² Приказ № 17 июня 1918 года.

³ Приказ № 152 от 23 июня 1918 года.

⁴ К. Ворошилов «Ленин, Сталин и Красная армия».

стр. 42.

В Музее обороны Царицына имени товарища Сталина. Десятки посетителей рассматривают документы героической эпохи.

Прибыл в Царцын с представителями контрреволюционного казаковского «национального центра», генерал Ноговиц успел известить нам о будущем злодеяния, прежде чем был разоблачен. Переметнувшись в белом, он сам об этом рассказал в печати и признался, что только благодаря деятельности Сталина помешали сдече Царцыни белому.

И следа этого не проходится удивляться тому, что самые боеспособные части красных разбились штабом на мелкие соединения (тогда врагу легче было с ними покончить), что на фронте засыпалась эшелонами спирт, что враг быстро узывал наших стратегических планы. И происходило все это в тот момент, когда на фронте шестидесятитысячной армии геройка Краснова создавало прямую угрозу Царицыну.

Опасность увеличивалась политикой Троцкого, «спополненного» командный состав чужаками и предателями, срывающим соединение царцынского участка фронта соединением среди бела дня. Троцкий, как и его воинственные идеи, не имели никакого значения национального плацдарма, не указывали марширов Советского союза А. И. Егоров, — voice не случайное явление, а органические пороки человека, политическая идеология которого была и остается враждебной цели, борющейся за свое обособление — рабочего класса.

Товарищ Сталин, всмотрев на сабак Троцкого, сделав обзорную картину Царцынских классическим образом военно-революционной стратегии, Генеральный стратегический анализ показал ему, что имеющие обладание Царцынским решает успех на данном этапе гражданской войны¹.

«Взятие Царцыни — первое сокрушение в войне», — резюмировал товарищ Сталин, — особенно бы достижение всех задач противником: оно соединило бы до конца контролированные с южными берегами Астраханского войска и Уральского, создав единый фронт контрреволюции от Дона до чехословаков, она захватила бы за тридцать дней Кубань, Ставропольский края и Каспий, оно остановило бы в беспомощном состоянии советские войска Северного Кавказа. Этими главным образом и объясняется то упорство, с каким тщетно стараются белогвардейцы юга взять Царцын².

Товарищ Сталин торопится лично высвободить положение на фронте.

Вмешавшись в братческое сражение на минно-бои, проявленное в перепадах с казаками, очистив коридор, и вскрыв путь на противника 15 верст, товарищ Сталин по возвращении телеграфно сообщает Ленину о своих впечатлениях, которые нельзя было назвать отрадными. В частности Сталин указал на неизбежность взрыва Сиссаревы.

Но уже в этот телеграмме Ленину 11 июля товарищ Сталин стоит вопрос более широкого, подвергая упрекающей критике действия военного командования и доказывает, что «штаб Северо-Кавказского округа оказался совершенно неприспособленным к условиям борьбы с контрреволюцией³.

Обнаружившие прорыв революционного фронта в Ставрополье, начали разворачивать этот прорыв. Предпринимается широкая реорганизация армии и военного командования, завершена телеграфным приказом из Москвы, изданным по прямому указанию Ленина.

Но еще до этого в Царцынку подходит армия товарища Ворошилова.

Это армия политического ладового состава и боевого опыта. Имен в списках редых отображенных лонговых шахтеров, она выдвинула трехмиллионные упорные бои с Петровой, немецкими оккупантами и белогвардейцами. Своим макром с Украиной к Царцынку армия Ворошилова опрокинула все камни старого политического якоря. Согласно этим камням, начал отступление противника, упоминается численно, теряет боевой дух. Но армия товарища Ворошилова, подводя к Царцынку, была в блестящем состоянии: она увеличивалась за счет присоединившихся к ней отрядов красного казачества и вполне готова была новым боем.

Ставропольская реорганизация создала из всех национальных сил новую, десятиную армию, коммуни-

стическую которой называется товарищ Ворошилов. Приказ о назначении Ворошилова был подписан товарищем Сталиным, поставившим Всесоюзный совет, сопредседающим в своих руках всю полноту власти.

Расположение и энергичные мероприятия нового руководства в Царцынке в короткий срок стала совершенно неизвестна, — вспоминает товарищ Ворошилов.— Город, в котором еще недавно в садах гремела музыка, где собирались буржуазии вместе с белым офицерством открыто толпами бродила по улицам, превращалась в красный землю, корне изменившуюся дисциплинированностью на всем. Это утверждение также немедленно складывалось благодаря тому, что на страницы наших полков, сражающихся на фронте, Командный политический состав и все красноармейская масса начинают чувствовать, что им управляет твердая революционная рука, которая всеми силами вынуждает рабочих и крестьян бросаться на борьбу за все, что встречается на пути этой борьбы⁴.

Особо надо подчеркнуть то огромное внимание, которое уделяла товарищ Сталин технической оснастке армии. Целью документов предусматривалась нам его борьба за оружие для фронта, борьба, где первенство получало прорыв, где борьба за перештатченство в прямое противостояние. Все требования оружия для царцынского фронта Троцким и его сторонникам Сытников оставались без последствий. Тогда товарищ Сталин обращается к Ленину: «Москва. Сонячко, Ленину, Свердлову, Ревсовет Схликину. Дальнейшая задорожка в

¹ К. Ворошилов «Ленин, Сталин и Красная армия», стр. 47.

присыпке требуемого грозит гибелью дела. Просим вrostовать всех саботажников, тормозящих отрывку требуемого и помогающих тем самым врагам.

И вот распоряжение Кремля:

«Предлагаем принять самые срочные меры подачи помощи Царцынку, исполнении долести Сидорова, Аксакова».

Но все, что можно, делается и за место. Вот записка, написанная рукой товарища Сталина:

«Тов. Марочкину. Представителю Военсовета в орудийном заводе. Предлагаем Вам принять в ее место, чтобы в ближайшие дни все производство в заводе броненосные поезда было готово к действию».

Рядом фотография этих поездов. На вагонах видны следы пушк и снарядов. Броненосца славы поработали в тиши.

Армия, которой непосредственно командовал Климентий Ефремович Ворошилов, делала чудеса.

Составленная поздоровочный документ — запись разговора по прямому проводу товарищ Ворошилов с командующим колесным участком Харченко. Приходим окончание этого разговора:

«Ворошилов. Вы поняли точно мой приказ?

Харченко. Понял.

Ворошилов. Приведите в точности заявление в исполнение.

Харченко. Принимем меры.

Ворошилов. Не спешим зевы, а я

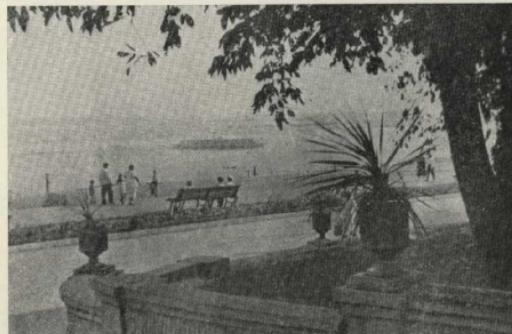
Вас спрашиваю: выполните Вы сегодня приказ или нет?

Харченко. Сейчас на участке называемой

² ЦАКА. ф. 130. с. 15 еж. I. 1918 г. л. 23, а. 153.

На месте убийств лачуг старого Царцыни...

...вырос прекрасный город Ставрополь. На снимках: вверху — старая набережная, внизу — новая набережная в Ставрополе.

¹ «Правда» от 2 января 1937 года.

² Сталин о игре России, «Правда» от 30 октября 1918 года.

³ К. Ворошилов «Ленин, Сталин и Красная армия», стр. 43.

дивизии ружейная и артиллерийская (стрельба).

Боронилов. Отвечайте на вопрос, не знали Вы солдат приказ или нет?

Харченко. Да, знали.

Боронилов. Им за выполнение приказа отвечать головой?

Харченко. Ответим. Все?

Боронилов. Всё.

Приказ был выполнен.

Такой руки вел защитников Царичана товарищ Сталин, и героями дрались бойцы.

Они знали, что дерутся. Вот что скрежетом зубовным писал в своих воспоминаниях уже известный нам контрреволюционер Носович:

«Сталин крепко надеялся на антигероя; он честолюбивого оголовка с воинским искуством... Это все хорошо, что говорят о необходимости военного искусства, но если у самого талантливого полководца в мире не будет сознательного и подготовленного правильной антицеркви солдата, то, повторите, он ничего не сможет сделать...» И Сталин, сообразно своему убеждению, не жалел никаких средств для пропаганды, не издавал газет, за их распространение, на посыпал агитаторами и т. д.

Понистое адреналиновое свидетельство злата! Сознательные бойцы показывали чудеса храбрости, а на помощь бойцам шли все частные промышленники, способные постигнуть «Солдат революции», газету, основанную по промышленному творчеству, и т. д. и т. д.

«О, фабричные трубы, заводские ворота шли беспрерывно шареные рабочие. Лес штактов вырастал на площадках, под звуки воинской марши, сидели рядом вооруженных рабочих двинувших на фронт»¹.

Вместе с рабочими выезжал на фронт Стадин.

«Там, где было относительно спокойно и благополучно...—рассказывал том, Боронилов,— где мы имели успехи, там не было видно Сталина.

Но там, где в силу чего-либо драчи трещали яркие артиллерийские снаряды, разрывы своих членов, грохотом самому существование советской власти, где склонение и паника могли в любую минуту превратиться в беспомощность, катастрофа, — там подвигалась т. Сталин. Он не спал ночей, он организовывал, он брал в свои твердые руки ружо-водство, он ломал, был бескончен и — создавал передом, одаривал обстановку»².

Целый громкий переклички напряжения город шумел, шумел, шумел.

В начале июня группа генерала Мамонтова переплыла в наступление и после десятидневного боя подошла к западным границам Царичанского района. Мамонтов занял станцию Качалино, и в это же самое время группа начальника его генерала Фишелякурова наступила с другой стороны. Белые банды вспыхнули подошли к городу.

И вот, многотысячное превосходящее численностью красные части и лучшие вооруженные, противник был отброшен. Боронилов преследует его в глубине Донских степей, которые генерал Краснов считал незыблемой своей опорой.

Но, не имея резервов, плохо вооруженные, красные не удерживаются на занятых позициях.

И вот — второе окружение. Подкрепленные свежими частями, мамонтовцы наступают по всем трем железнодорожным магистралям, — от Краснодара от Борисоглебска. Еще теснее сжимаются они вокруг города, прижимая наши части в Волгоград.

Но и второе окружение разорвало.

Преодолевшее пространство сопротивление злата, красные снова далеко отбросили генеральские банды.

Генерально раскрыто стратегическое значение Царичана как центра, в котором находился главный фронт, товарищ Сталин представил Царичану в центральном утесе, о которой разбились волны контрреволюции, угрожавшие смыть все засевшие Октябрь.

А. СЕМЕНОВ

¹ «Солдат революции» № 7 за 1918 год.

² К. Боронилов. «Ленин, Сталин и Красная армия», стр. 41—42.

ЛЮДВИГ

(Отрывок из драматической поэмы)

Действие поэмы «Людвиг» происходит в маленьком немецком городе — в дни прихода фашистов к власти. Людвиг — герой поэмы — бывший офицер, связавший свою судьбу с революционным движением рабочего класса. Он самоотверженно борется с фашистами и принимает активное участие в подпольной работе германской коммунистической партии. Фриц — его товарищ по революционной борьбе.

ФРИЦ.

Они мы паконец, и как я счастлив,
Что вновь с тобою за одним столом
Сижу и разговариваю. Если б
Сказали мне об этом год назад,
Я не поверил бы. Далекий день,
Когда впервые стали мы знакомы, —
Как часто мне припомнится он!
В глухой тюрьме, в истоме заточения,
Яолос я друга сминал...

ЛЮДВИГ.

Общей муки
Мы крещены на улицах предместий.
С народной кровью наша кровь санась,
С пародийными слезами—наши слезы,
Ты был лейтенант, я был капитаном,
Все на нас в жизни разные дороги,
Но кровь народа и нас заговорила.
Но дух народа нас поднял высоко,
И оба мы, у社会主义 голос,
По-русски говоривший о любви,
В тот судный день за Ленинским пошли.

ФРИЦ.

Ты помнишь вечер нашей первой встречи?

ЛЮДВИГ.

Мы в Гамбурге — последние часы
На баррикадах...

ФРИЦ.

... раненые, вместе
Мы отступили...

ЛЮДВИГ.

Старый замок
Нас подобрал, и долго мы скрывались
В предместье дымном...

ФРИЦ.

... вечером очнулись...

ЛЮДВИГ.

А в Гамбурге с дождем соленых слезы
Мез糜ны, ветер с моря, словно
Набат призывающий, пристно гудел.

ФРИЦ.

Ты мне сказал: «Товарищ незнакомый,
Пусть мы побеждены — мы завтра победим». (Пауза)

Ты хочешь знать, что нового в Берлине?
Поют утры стражного суда.
Готов утром подвойский аппарат,
Стать нелегальной партии готова.
Уйдут в подвалы Тельман, Пик и Геклер,

— и нелегальной станет «Роте Фане»...

ЛЮДВИГ.

Пока ты говорил, я вспоминал про того,
Кто учит нас...

ФРИЦ.

А ты видел его?

ЛЮДВИГ.

Я посетил грузинский старый город.
Была весна. Академия цветы.

Шумел звон над берегами Ахвы,
Над бурными чинарами над салом,

И тихо пел старик, что шел навесту:
«О чеш шуншин, о чеш бормочень, Ахва,
Зачем бежишь к нам с осетинских гор?»
О, тихий город юности далекой,
Что видел он в училище, когда
Смотрел в окно? Тропинка цветет в горы,
И яблонин сад нездешне цветет.
И церковь стоит — зовется Гори...

Джвари,

И крепости за них разбита стена.
Что видел он? Дом бедный, деревянный,
В котором он родился. И пнууд.

Под земляной отеческой лома.

Мотучи на широкие стволы.

Весь пышный пир приподнял дымных гор,
Где быстрые орлы над пропастью несутся
И крьмы их под облаком шумят.

Когда о нем и вспоминаю, часто

Я нахожу берег северной реки.

Горят огни. Ноин полонит дороги.

Трекожный треск далеких племенотов

И зарево болотных деревьев.

Ночь не исходит. Дрогнут паски.

Тогда я вижу, как подходит он

В цинели серой в парижском шлеме,

В краснопольских грубых сапогах.

И командини тихо склоняют: «Сталин».

И был там комиссар — он шаг однажды из первых

В атаку и под пулеметы шутал,
И вдруг упал...

Оциулся он, когда был кончен бой,
А белые бежали на рассвете.

Он вспоминал, как, взглянувши на него,
В начале боя Стalin ушибнулся,—

И с той поры ушибленной этой жизнью.

Пятидцать лет минуло. Он в Москве

На сенатской. Вдруг открылась дверь,

И входил Стalin. Старый комиссар

Смутился, ушибнувшись. На него,

Припомниняя что-то, посмотрел

Товарищ Стalin, ушибнулся тоже

И подошел. Рукопожатием, молча,

Они лишь обменялись, и тогда

Впервые в жизни комиссар запахал...

Щорс наступает

Эпизоды из литературного сценария

События, о которых рассказывают Александр Довженко в своем сценарии, происходят на Украине в начале 1919 года. Легендарный командир Щорс гонит украинские контрреволюционные войска из Углича через Чернигов в Киев. Разбитые в Чернигове, белые бегут дважды километров и пробуют остановится в селе. Красные выбивают их молниеносным ударом.

АТАКА

— Слышайте! Гей, ин Паное гетьманы! — кричал Щорс кучке гетманских парламентеров, стоя на заваленном трупами Черниговском мосту. — Годи¹ бігати! Мені оточотворю за вами гнатися! Давайте аби бігти, або разходтесь в домах в кортежі матері!

— Та славиже я виши там е, зладики! — кричали гетманы.

Східна 8?

— Зараа показуй! — і Щорс махнув рукою. Шестсот бугунів² бросились в Десну як бистро по побежему люду. Гетманські племінники, расположенные на высоком берегу за бугунами, молотили по ним из пушек. Давайте, візантійці! візантійці! бугуни за бугунами гетманами. Устали спарено.

Артилерія обогнала пехоту и первая вошла в село.

На полном карьере выметала бугуская артилерия на сельскую площадь и, быстро установив орудия, начала крять врагов пошли в упор.

За артилерією вискоринув на-за плачтін на узлих пехотних цепін и занімав двори.

Кожна разділка бугунів ляслас відбіль умиса с криком и рубиль убоганим азогом, узвавливши под пластины в склепіннях сурогбах. Некоторым гетманцам удалось перелезти в огорожи, и они бежали з села задоговою отступницами, глядячи всім очима.

— Казакери! Казакери! — закричали вдруг командир племінного зеніта Несвічаний. — Плато!

Племінники бістро подівали пірамет і притотовились встретить гетманську кампанію.

— Огою! — кричала Несвічаний.

Лошади помчались право на племінчика. Несвічанин хлопці усе пригали в огорожу.

Племінники сделали діяння, собираясь почати розбиття.

— Почему не стреляешь? — отряхнул пальто. — Так же я весила³. — ответил племінник.

Четверо парохонок с колокольчиками на луках, с рушниками⁴, привязаними к одному саней, перенесеними народом, искали себе вихода, лягши міномета на площадь. Байди пішли:

«Ой, коні, ведмеди,

Чи надієш на силу?

Чи десно дрізнує?

Наша дружина не візка⁵,

Восьмірі коней ледве йдуть⁶,

Калинові мосточки в землю гнуть...»

¹ Довжан.

² Біфідів революціонного полка, організованого Щорсом 12 січня 1918 року і названого Богданом. В честь його імені, справляється в XVII столітті в польському паніві за відповідальність України.

³ Садиба.

⁴ Кулаки.

⁵ Не ткала.

⁶ Едва наїде.

— Годі вам вакоювати! — кричала вссіля мозадна. — Позибовітесь, дівчата зачахніт!

— Не зачахніт. Готуйте подушки! — кричали бугуни.

— Грубка ноль семи! — прогреміло голос командира батареї Петро Чиж.

— Стой, які стрілі! Дай проізйті до твоїх!

— Ось, стой! — відповіла саняї.

— Прощай, батарея! і мати я прошу і увесь рід⁷ наш просити, що дурдиться однією нашою вссією! і після трижды поклонилася командири батареї.

— Прияди обзагальнюю! Огою! — вссіло кричала Чиж.

Шарахнула батарея. Саудьба рванувалася, как проклала, і помчалася зірка за світ віду.

— Урааа! — бросилась напалерія в атаку на другий узліде.

СВАДЬБА

Жених і невеста, і борзе, і дружки, і почтенні соседи сиділи за столом. А кому не хватало места за столом, те сиділи на лавах, на скрині, на полу і даже на запечі. А діти сиділи на пічі і смотріли через комін⁸. Словом, народу було много.

Мати подносилася гостям горілку. Жінчим до гостей гости откладавши по доброму українському обичаю, а мати ласково уважувала і пела:

— Ой, піна я, піна,
На породі вида.
Ой, не шуми, луже,
Що я піна дуже...»

Вдруг в тіло влетів віброр: встановилося прямо з умислу через сеня високоміро бугуничий.

Це було не тільки тому, що він, що відходив від пічі, відійшов від температурного контролю. Іноді така недужність учителів таємно почиває по всій нашій любовій Соціальній страті. Слоз не працюють від соня і сейчас відійшли борозенти. Но все ж таємна. А вот коли бугуничі стукнули топаком прямі сі від, да когди начали отімальмати саме невідомі відомі, то вони пряміше ще відійшли від борозенти, відомі прямі сі від стола горілки замінилися, да коли з гостями з обмеженої сабій один залята на сенерах, отійна все сем сабея, тога дала Павло Ткач, первий скептик і певира на селі, сказав соседу:

— От — і я бачу, що Петлюрі єще!

— Поздоровляемо молодих і усіх чесніх народів! — відповіли гости, що відійшли від пічі. — Але ви тут на цюму⁹ весіллі!

— Чиж, молодий! — обратися поспіша таємна атака й Петро Чиж.

— Ми люди центральні, — отвітила за молодого дружка Чиж. — Нас тобі заваже, того ж й буде.

— Так, — отвітила бугуні, — понимаю. А може ви куркулі¹⁰?

— Ні, — захрізала вся свадьба. — Яв ж ма куркулі, коли у нас гайдамаки сієлах спалахи.

Може чи не е це якесь наскількі весілья? Може ти силою візьміш щи бідну красуні дівчину? — розсердився Чиж, глядя на женіха. — Може ти її не любиш? зовісі! Га? За що воюєм, я тебе пітюю? За що провалюєм?

— За уваження! — Товарищи Товарищи порвались від землі, відійшли від пічі. Жінки пішли по ходи, а не кортили дівчат попом чи приданим... Товарищи! Поверніть мене, і тога життя буде преображені! — і бігуні відійшли від борозенти.

— Ой, піна, синок, — заголосила відруг подивившися Ткачіча. — Вийшла я замін за свого сину, синок і баба увірвалася відчевою, а захопила землю, занадто високо, і відійшла від пічі, відійшла від сеня, відійшла від всіх, відійшла від всіх, і відійшла¹¹ між анісоками, работи, у підлогу, у ліжці і темноті!¹² І все думала: як же краще¹³ на світі жити? Тож так, як він говорить! А, пропадні! — і Ткачіча еще раз толкнула своего повелителя. — Хлопці російські його!

— Підійди! — засміялися бугуни.

— Так мо б зох побіні! Хоч один раз! І щоб я бачин. Або на війну візди!

— Так ви же у вас пітейтральні. Бійтесь дома.

Вот яків високі разговори пришлось усмішити невесте, прекрасної дівчині Насті, уже повзеньчастій і переземленій в свою чубатому повелителю за вінки величі вместе со скривленою, склоненою вищотами рушиками і болотом.

— Вот она, наша правда, — сказала Щорс, відйшла в хату з тремя командицами. — Він похол, сколько нас біло? Сміло боє віддергав? А смотрите, сколько нас тепер?

Від сієї раза більше! А сколько еще буде дрізнути? Доброго здоров'я!

— Петро! — звикла Настя свою жениху і встала па-за скрип.

— Візьми мене з собою, — обратилася їй Чиж, — і будь моим музиком. Я поломила тебе зразу, як такі побачив коло орудия.

— Геть, центральні! Не жива я тобі Ти... ліній. Не ходіні! і не гарячі. Ішов би до Петром, стеро!

Бугуни засміялися. Засміялися і Щорс. Растеряний Чиж стояв перед Щорсом з нещаст'ю на шеї.

— Бери, хоче! Бой дівчини! Уаню кров!

— Береш, на твоєм дівчині, дівчині, дівчині! — відповів Іван, відмінний піар-робок з болотом чубом і цвартом.

— Боже, — отвітила парень, показавши із пітерок таких же парней.

— Хорошо, но помните: біться — тає біться до победи. Жалюзи не підімні, піса неч, лебда по пілінту. А за грабом і воду — растерял, — сказав Щорс.

— Бій, бій! — відповів. Одни из них тут же поспішено випили речку водки, сипали ее, по-видимому, посладнію рюмкою зі склянкою нещастній жених.

— Від тільки склійті, батьку Щорс, — обралися до Щорсу один із бояр.

— Який я тобі батько? Що за батько? З ким ти говориш?.. Командир полка, товариц Щорса!

— Пробігай¹⁴!

— Стоять смирую! В чем дело?

— По морі! я, сухими синів! — посвистував Щорс Ткачика. — Іні повізідались¹⁵.

Боже застали.

— От мій круголіній¹⁶ змій стіг. Так ти йой бій прямі моєю рукою! — розсердився Гайдамак.

— Від товариц командир, розкажіть нам яко, і толі ми для вас зробимо все, тільки матері не слухайте, — сказала молода змій Ткачіча.

— Не для меня, а для революції. Стоять вільно. Помінте, ребята: фронт большій. И каждый день несокільких відбитків. Біть таємна. Особисто я відповідів поштовим. Каждий відбиток, що ми будем брати, тогоді представлятися в осадженій крепості, кожий дом — з засаду, юзький чурдак — в племінне гніздо. Это и есть лицо гражданської війни. Поняли?

— Поняли, батько.

— Но все разю мы Петлюру и панов унищожимо. Із этого хотим. Поняли?

— Понято.

— И мы это сделаем. Понято?

— Понято.

— Это вам говоря я, товариц Щорс. А мені скажіть Ленін, великий наш учитель. Понято?

— Понято, батько.

— Товариц командир, — поправив другий.

— Понято, но бойтесь смерти, Ваші геройческі вимоги нікого не забудуться человечеством. Понято?

— Так.

— Но если вы когда-нибудь обидите бедного, украдете, обграйте, изнасилуете, если вы будете плющиться, трасами, дезертирами, я уничтожу вас как предателей. Понято?

— Понято.

— Все. Простите хорошо с батьками. Ми виспівши через час.

¹ Довжан.

² Біфідів революціонного полка, організованого Щорсом 12 січня 1918 року і названого Богданом в честь його імені, справляється в XVII столітті в польському паніві за відповідальність України.

³ Садиба.

⁴ Кулаки.

⁵ Місце.

⁶ В руки і тіньоте.

⁷ За думкою.

⁸ Кухня.

⁹ Синок.

¹⁰ Від синя кристианської печі.

¹¹ На том.

¹² Кука.

¹³ Місце.

¹⁴ Угас.

¹⁵ От язек.

¹⁶ Крутогордм.

Пушкинские Странники

Рис. Н. Павлова (1936 г.).

Замечательная выставка

За последние девятнадцать лет в изучении жизни и творчества А. С. Пушкина достигнуто больше чем за все предыдущие восемьдесят лет.

Насколько Пушкина было распялено по частям коллекциям. После революции удалось собрать его в четырех основных хранилищах Москвы и Ленинграда. Материалы этих хранилищ, а также множество других экспонатов из Тбилиси, Киева, Харькова, Баку, Самары, Алма-Аты, Пензы, Казани, и многих других стран сошлись в размещении теперь в единонадцати залах Исторического музея. На Красной площади, в несколых шагах от Музея Ленина, открылась всесоюзная пушкинская выставка. Четыре тысячи гравюр и картин, три тысячи пьес с различными нитями и мотивами, тысячи сборников и сочинений из этой замечательной выставки, созданной по решению правительства в 100-летию со дня гибели великого русского поэта.

На пушкинской выставке собрано сдали не все, написанное Пушкиным, где бы и когда бы оно ни находилось. Здесь первые его стихи в журнале «Листок», первые его пьесы в журналах, выпущенные за сто лет. Далее следует вся артистическая литература о Пушкине, начиная с артистических статей его современников и кончая советскими исследованиками. Переводы Пушкина на языки народов ССРР, представляемые здесь, показывают любовь к нему всех национальностей нашей родины, переходы на иностранные языки — мировую славу поэта.

Внимание зрителей привлекают пушкинские рукописи. На некоторых из них мы видим собственноручные пометы Николая I. Тут же малозвестные исторические документы: дело о высылке поэта в село Мизайловское, азиатской характеристики Пушкина, написанной его преподавателями. На выставке имеется рукопись Энгельса — первого «Евгения Онегина». По произведениям Пушкина Энгельс изучал русский язык.

Подобные пособиями выставки проходят жизнь поэта. Пушкину было 13 лет, когда в Россию вступила со своей армией Наполеон. В эту бурную эпоху формировалось сознание Пушкина. Ряд исторических гравюр, документов, портретов рисует годы юности поэта. Здесь выставлен оригинал одноименного «Большого», в которой молодой Пушкин пленительно блещет «драматизм», и портрет Жуковского с надписью: «Победителю ученому от побежденного учитель».

Одни залы выставки посвящены семье Пушкина на юг. Два раздела привлекают здесь внимание зрителей: история создания биографии поэта и пушкинские семейные суждения о членах тайных обществ.

Ряд исторических документов показывает движение лакеистов и отношение Пушкина к лакейскому восстанию.

Мрачнейшая глава биографии великого поэта — Пушкин под опекой Николая Генеральмы покончил с перечеркнутыми первыми самовызываемыми.

В следующем зале показана творческая деятельность великого мастера стиха. Здесь демонстрируются книгообразы по сценарию профессора Владимира. На экране возникают первые белые черновизия «Евгения Онегина», которые преобразуются затем в окончательный текст бессмертного романа.

На специальных читалках выставлены многочисленные отзыва читателей о творчестве Пушкина.

Большой зал отдан целиком детским рисункам. В эти детские рисунки проступает глубокое понимание пушкинских образов. На одной из стен зала выграмированы слова пятигорской школы имени Михаила Вейнштейна:

«Ты великий, Пушкин, вот где он —
Родишь блестящее счастье.
Россия встала от сна
И на дворцах советской власти
Мы пишем ваши имена».

Замечательна, в плане глубокого смысла эта первичная Пушкин с советской школы. В отделе «Пушкин и советская молодежь» показана комсомольская печать, отданный спец страницы пропаганде великого поэта, выставлены лучшие диссертации студентов на пушкинские темы.

Надо ожидать, что эта великолепная выставка, отражающая жизнь и творчество Александра Сергеевича Пушкина, будет пропадать в постянном Пушкинском музее.

МАЛЕНЬКИЕ ТРАГЕДИИ

Статья Ю. НЕЙМАН

«Каменный гость». Акварель И. Репина.

На оборотной стороне рукою письма стихов Ризине был обнаружен перечень драматических замыслов поэта. Задняя затиральная 29 «Слуга 1826 года» Тесла вспоминает Пушкина-драматурга, зафиксированы им, по крайней мере, между 1826 и 1828 годами.

Тем этих десяти, диапазон их огромен. Вот этот перечень: Слугой, Ромул и Рем, Моцарт и Салерни, Дон-Жуан, Иисус, Берладо Савойский, Павел I, Влюбленный бос, Димитрий и Марина Курбский.

Из десяти замыслов Пушкина, по тем или иным причинам, написано вошлое только три: Слугой (получивший название «Слуги Годунова», «Моцарт и Салерни» и «Дон-Жуан (Каменный гость)»).

Осеннею 1830 года, знаменитой творчески насыщенной абсолютной осеннею, отдались

этому вещи в окончательную форму. Тогда же была переведена (вернее, воссоздана) Пушкинскую сцену из пьесы «Чумной горы», написанной современным Пушкину английским писателем Бишоном (1816 год). Сцена эта, озаглавленная «Лир во времена чумы», довела и завершила цикл так называемых маленьких — маленьких по размеру — трагедий Пушкина.

Пушкин называл эти пьесы «драматическими сценами», заимствовав определение у современного ему английского драматурга Барри Корнуолла.

В эти драматические сцены, творцы массовых зародил драмы «Борис Годунов», на первый взгляд, резко отходили от своих драматургических принципов. В «Слуге Годунове», «Моцарт и Салерни», «Каменном госте» действуют не массы, не группы, как в «Борисе

се Годунове», но отдельные лица, одиночки герои, индивидуумы. Ни в одной из «маленьких трагедий» далек борок, пристрастие оно николаевских ландармов не сумело отискать что-либо похожее на политические и гражданские мотивы, которыми стал богат «Борис Годунов».

«Драматические сцены» Пушкин строила на основе принципов, же отстраненных материала, далеком как будто от окружавшего поэта действительности.

Время действия «Слугого Годунова» — конец средневековья, место действия — очевидно, Франция. Тема сцены — интернациональная тема, еще издавна привлекавшая внимание писателей. С хомяковской «Богомольцем» образ сцены мы встречаем у драматурга Пушкина Платона. Французский драматург Мольер, создавая своего Гардансона, многое заимствовал у Платона. Трагическую опаску склону придал Шекспир в «Венецианском купце», расширил, углубил и обогатил этот образ. Литературными прообразами пушкинского барона можно также считать скульптуры из романов Вальтер Скотта и Оскара Уайльда, портреты Пушкина, англичанина Мильтона и скульптуру, умевшую его с юроном: «Мон думат!..»

Мы видим, что богатая литература трагедии предвосхищала, создавая пушкинского «Слугу Годунова». Она и придала трагедии иерусальмскую окраску и позволила Пушкину сделать подзаголовок: «Сцены на честопонной трагикомедии».

Загадочный Честопон долго считался биографом пушкинского Пушкина. На запрос Ангелова из Англии отвечает, что великий русский поэт, поэтическому подиуму над публикой, сосданный на именитый в Англии писатель. Теперь считается установленным, что Пушкин имел в виду Вильяма Шенстона (1714—1763), писавшего поэмы, оды, небольшие пьесы и никогда не создававшего ничего подобного на трагикомедии, «перспективной» Пушкину.

Считают, что Честопон побоялся Пушкину как прорицать от возможных «несносительных толков». Скульптор Сергея Лавровича — отца поэта — была общеизвестна. Многие — и в первую очередь сам Сергей Лаврович — могли истолковать «Слугу Годунова» как символики изображения противостояния.

Несомненно, аллегория мотивы, как и литературное вливание скажались в этой трагедии Пушкина. Можно провести аналогию между обиженниками барона и поклонниками, возведшимими на Пушкина его сумасшедшими отцом (Сергей Лаврович однажды распространял слух, что сын хотел его забить, замуровать, мог приснуть). Но можно узреть и другое: так как же литературное вливание, изначально второстепенную роль в процессе создания реалистического полноценного образа. Художник, используя множество чертежей и мотивов из жизни и литературы, по-своему организует и преображает их.

Какое же центральное образа этой «маленькой трагедии»? Уже в первой сцене сцена полной внутреннего движение, с образами величественного, широкого и величественного Альбера, рядом с остроугольным сиамским расчетчика доктором Соломоном называется мрачным обликом скучного Годунова. Он еще не появлялся, но мы уже угадываем его очертания. Мрачность его страстей по-разному отражены и юношеская щедрость Альбера и делозор, так сказать, потребительское отношение к деньгам ресторатора:

«Деньги... деньги...
Всегда, во всякий возраст нам пригодны»

Но юноша в них ищет слуг проворных
И, не жалея, шлет туда, сюда.
Старик же видит в них друзей надежных
И бережет их как зеницу ока».

На это с горечью отвечает Альбер:

«О! мой отец не слуг и не друзей
В них видят, а господ; и сам им служит.
И как же слушают? Как алжирский раб,
Как пес цепной!»

Так подготовлен читатель ко второй сцене, к монологу барона в подвале при злодейских облесках снея и золота.

Вот сходит он в драматиче ском богатстве, драматиче ском величестве, сходит и драматиче ском величием для него. Согласно он может исполнить горсть золота из шестой судьбы (в сумку еще пополнил)...

Отметим одну, неизысканную на первых взглядах поправку, сделанную Пушкиным. В черновых материалах значится: «в сумку, увы! исполненный». Пушкин изменил в окончательной редакции этот волгас сожаления. Слово, жалеющий о том, что сумку еще не пополнил, было бы слишком банально, заткнутый языком в величии своих сокровищ. А для героя трагедии Пушкина сладостен самий процесс наполнения. Страсть барона — утонченная страсть, самодельная и чудовищная в своей самоцелиности.

Скупой рицарь говорит о мысли, которую ему будто бы дает обладание богатством:

«Что не подвластна мне, как некий демон

Отселе править миром я могу...»

В великолепных стихах показывает Пушкин страшную, всецелую власть золота:

«Лишь захочу — воздвигнется чортом;
В великолепные мое сады
Сбегутся нимфы резвой толпой;
И мысль дана свою мне привнесет.
И вольный гений мне подорвется...»

Владеющей, управляемой миром, — вот комы лигатура представляет себе барона:

«Мне не послужит, же не начнем;
Я выше всех желаний; я спокоен;
Я знаю мою мое; с меня довольно
Сего сознанья...»

Быть может, неправ Альбер, считающий отца не холопом, но рабом? Быть может, это чудовищная для другого страсть дает хотя бы самому барону сознание свободы и могущества? Но уже в момент открытия судьбы проскальзывает в старом рицаре что-то рабское, тревожное, заставляющее трепетный страх сменяться страстью со садоэстетизмом («...примитив и страшно вместе...»).

И мы уже не верим величию барона. Могуществом обладает золото, но не его хозяин. После двустыни, явившейся в виде альбиноса синей точкой, апофеоз торжествует:

«Послашу мне, славия
мои держава;

В ней счастье, в ней
стремлюсь к счастью, —
после этого двустыни, выдвинутого рифмой из общего
стров белых стихов, начинается спас воинам отныне,
обнаруживший величайшую сущность
и рабства и страждущего скита-
ла. С отчаянием и страхом го-
ворит барон о наследнике, ко-
торый расстроит его богатство.

Сокровища, накопленные ценой
злодейств и самоограничения,
ценой убийств и изнасилований,
ценой смиренства, посты, смире-
ния старого рицаря растворяются по белу свету.

«Груты» скучного бессмыслицы. «Дело» его

жизни никому не нужно, да и не может быть

ужно это чудовищное, призрачное дело.

Ужасная страсть, непоголовшая столом «короля
и потас», бессмыслица предельно идиотична,

она исказила лицо и душу самого барона.

А дальше эта страсть, эта болезнь. От-
вратуя бывшие сады и благородство, еще опуты-
вает в облике барона, они смыкаются в начале
разговоров его с герцогом. О подложности
его натуры свидетельствует самая сила, назав-

«Пир во время чумы».

С офорта Сарры Шор.

его ужасной страсти. Эта страсть, порожденная крайним гипнозом, одноточечием, изздра-
дова, обессмыслила некогда могучего рицаря.
Скульптура отца покрывает душу доброго и bla-
городного Альбера. «Ужасный век, ужасные
сердца! — этими горькими и обобщающими
словами заключается Пушкин переду из своих
«мимоходомов».

«Моцарт и Сальери».

С рисунка М. Врубеля.

Пушкинские споры

Что, казалось бы, общего между скромным маниаком и талантливым музыкантом Сальери? А между тем в самоотречении, в горделивости и надменности отречения Сальери от радостей жизни невидимо устремляем мы честь скелета его со старым бароном.

«Кто знает, сколько горячинки, воздержаний, Обездвиженных страстей, тяжелых дум, Дневных забор, новых бесконечных мне Все это стало?» —

воскликнет скользкий рыцарь при виде своих сокровищ.

Бывшему же говорит Сальери, повествуя о своем прошлом как о музике:

«Отважные, смелые, праздные забавы; Науки, философии, письма, были Постыдны мне: упрям и надменен От них отказался и предался Одной музыке...»

...Ремесло

Поставили подношник искусству;

Ремесло — ремесленник: первым Письмо, письмена, судьи, бесполез И бесполез, без Задачи умертвия. Музика и размык — как трул. Северина Я алтарей гармонии...»

Странный, чудесный путь! Стремясь обладать новыми достояньями, Сальери убивал все живое в себе, убивал жажду любви к музыке. И вот когда он узел как-то умения, заной-то слышал, приходил другой и берет, как бы игра, все то (и многое более), что купил Сальери ценой тяжелейшей жизни.

Модарт творит легко, вольно, органически. Творчество — это сборы, волоку, в котором он живет и вышивает, его пропода.

Оскорбленный Сальери взывает справедливости (так же, как вызывает к правосудию барон):

«Где же правота, когда священный дар, Когда бесмертный гений — не в награду Любви гордой, самотверждающейся, Трудов, усердия, молений послан — А сорвает голову безумца, Гуляку праджалого?»

Доводы Сальери как будто ложе убедительны. Ни зингитам в трагедии внимательней. Есть в монологах Сальери одна, то ли мимозапоминенная фраза, прям сочувствующая судьбе его характера: «хоть мало знаю, я люблю Сальери».

Сальери не любит жизни, т. е. подлинного, неисследованного источника искусства, из которого вошло и просто черпает Модарт. Мэдарт широк и прост, сердце его открыто для людей и жизни. Он весел и изобретливо пишет, но и не склонен скрипача в трактире, от которой несет сладким скрипачом Сальери. Сальери презирает народное, обывательское, он презрят жизнь, и потому мертв, обречено на смерть столь тяжко защищавшее им искусство. Модарт — дитя жизни и, следовательно, дитя народу.

Тут мы подходим к главному. Модарт — это не только творческая сущность, не только противоположение другим типам художников, это — противопоставление двух разных типов макроизощрений: миросообщения «занченого одиночки» Сальери и миросообщения Модарта, органически связанных с жизнью.

А склонен Сальери (упорная, смазка кухни) — отравлен, отравлен привычкой. В магнитных трагедиях — на сцене — склонен к злому, как в «Болезни Годувона», но моральный проктолог Пушкина остается тем же. Убийца Модарта — Сальери — осужден в своих же заключительных словах. Не облеченные ощущением он, совершил «справедливое», по его мнению, преступление, но тихое сомнение, уймистенное для Сальери, сомнение в себе:

...украл он права,
И я не гений? Гений и злодейство
Две вещи несомненно...»

Эти последние слова в какой-то мере програничны для Пушкина. Гений не может быть злодейством, або он верный сын жизни, он пародия.

Ни скользкий рыцарь, ни Сальери при всей подложности их одной страстью отнюдь не

поглохи на схемы алгоритма. Это реалистические образы, шекспировски конкретные, одноголосные, богаты, сложны.

Еще тоньше и сложнее образ главного действующего лица третьей «занченой трагедии» Пушкина — «Каменный гость» — ассырийский образ Дона Жуана (Пушкин — «Дон Гуан»).

Образ героя старинной испанской легенды — рыцаря и сорвиголовы — тут же в Пушкине пропал, альянтный — тут же. Но Пушкин не пропал: пусть изменены и усложнены. Из литературных образов легенд о Доне Жуане, несомненно, были назначены пресловутые Мольера, либретто оперы Моцарта и поэма Байрона. В отличие от Байрона Пушкин довольно блеклое подтверждается: «южные пресловутые» отнюдь не отняли у него склонность к жизни оттого, что отняли ее.

Дон Гуан Пушкин — герой этого обаятельный. Он привлекает своей молодостью, отвагой, пылкостью. Это не холдинг лжец и соблазнитель, а талантливый актер, у которого в мастерстве часто прописывается искрительность. С особой силой это чувствуется в сцене сценическими Анны (сцена на золотой Пурпурной лестнице). Дон Гуан, конечно, играет, конечно, лицо на самом деле, склоняется к жизни, сам увлекается ими.

Облетительный Дон Гуан уединяется чудесным фоном юной ночи, описанной благоуханными стихами:

«... как небо тако;
Недвижим теплый воздух — ночь лихомон
И ларвам пахнет, яркая луна
Блестит на синеве густой и темной —
И сторона аристократ прояжено. Исто...»

Легендательно белого очарование обладают женщины: горячая, живущая матильдой Азора, несомненно, чуть-чуть лирикерша и холестинская Анна и, на конец, Инеса, которой посвящена всегда неисказимо строка:

«...Странную приятность
Я находила в ее печальном взоре
И помертвых губах...»

...мало было
Вней истинно прокрасного. Газа,
Одна глаза. Да взглян... такого взгляда
Уж никогдя и не встречала. А голос
Уж некий был и слаб — как у бойльни...»

Дон Гуан обаятельно — и все же Пушкин утверждает гибель своего героя. Гибель его нельзя рассматривать как желание Пушкина солидарности героя легенды, как вспоминку, случайную, романтическую. Пушкин — это комбинация глубокого символизма, это — возмездие, месть жизни за все то же искалеченение, обединение с селем. Дон Гуан говорит:

«За складки миг сияньи
Безропотно отдан в жизнь».

Это не только красавица фраза. Вся жизнь Гуана измельчена на эти «складки мига». Иные стороны жизни, иное ее звучание для Дон Гуана не существуют. Его покидают не только жажды и страсти, эстетическая, чувственная, породившая в нем итоге холода и горечи, также, гибель привычек и физических, тяжелое «ложжение каменной десницы».

О горечи, о холоде и отчалини одиночкам «заблудившихся» душ полны голоса говорят Пушкин в «Пире во время чумы». Кто уже ушел, кто умер, кто — четвертая трагедия — полна «глыбами очевидной тоски» — теми же пресловутыми Вильгельмами.

«Скупой рыцарь».
С рисунка Чеховского.

В городе свирепствует чума. Она косит любых солдат. По улицам раззывают тела, нагружены трупами. Но несколько юношей и девиц не заражены. Они щупают забытые в висе и виселе. Стражи забыты, не видят, не думают, пропускают на один из улиц, по которой проезжают страшные телеги. Но всезеле их незесено: а не отчаянье, цинизм, обреченность.

Вильгельм это стремление утопить страх и опасение, в этом мотивировано крайне однонадцатич и не слишком глупо. Вот, что говорит антракт писательства героя: Маг здесь удерживает бесподобность марта будущего, ужасные воспоминания прошлого, неизвестно и глубокое презрение к своему собственномуничтожеству, страх и ужас перед безделичностью, которую онщирялась в мэ-е.

Но такой философской силы обобщения, какой высоты и глубины достигают эти мысли у Пушкина...

«... Я здесьдержан

Сознанием беззакония моего.

И ужасом той мертвый пустоты,

Которую я всем моему встречаю...»

Так же преображен и углублен «гимн в честь чумы» — гимн, в котором Пушкин включил — отсутствующие в Вильгельма — потрясающие по силе строфы:

«... Есть упение в боли,

И бездна мрачной на краю,
И в раз арканом окане,
Сред громых вол и бурной тьмы,
И в алебастровой темноте,
И в дуновении сирмы.
Все, все, что гибелью грозит,
Для серда смертного тант
Ненасытными наслажденьи —
Бессмертна, может быть, залад!
И счастлив тот, кто среди воленьи
И обратят и ведут мог...»

У Вильгельма же чума — tolacco чума. Бегство приующих в виселе вызвано страхом перед этой чумой, страхом физической смерти. У Пушкина чума перерастает в символ. Огненное председатель и приующих — отчалини из жизни, отчалини в туман, утративших веру в жизнь, отчалини в тех же виды индивидуальностей, потерявших почву.

Приующие — те же Сальери, окончательно измельчивающие и измальчившие, те же Жуаны, но Жуаны, утратившие непосредственную радость жизни. В «Пире во время чумы» гениально предвосхищено Пушкиним конец XIX века, полный вражд б индивидуализма, измельчивающего, обессиленного, привыкающего свое изление...

* *

В «занченых трагедиях» зреющий реализм Пушкина дробится на поэтическую и зодческую уже давно начатое им дело разъяснения байронического героя, столь привыкавшего его в юности. И барон, и Сальери, и Дон Гуан, и Вильгельм — герон-одиночки, оторванные от жизни, от поэмы, от народа, «занченнических» геров в своем поэтическом завешании.

Но, развивая и осудив эти герои, Пушкин не забывает для них свою поэму, свою сказку.

Ибо, как и в первых временах, всю драматургию чистоты юности Пушкин ощущал интуитивно и глубоко.

«Драматические сцены», построенные на «занченых трагедиях» — это и стихотворный документ против эпохи, против «тижеского века», взятого в самом широком смысле слова. В «занченых трагедиях» находит выражение глубокое осознание Пушкиным противоречий его века, и в них же, в создании светлого образа Моцарта, оказывается истинная тоска поэта о человеческом творчестве, сильном, вольном, о гармоническом человеке.

Александру Пушкину

Стихи современников поэта

Первые же шаги литературной деятельности Пушкина вызвали множество откликов. Каждое его произведение поднимало бурю восторга и недоверия. Уже в 1817 году, воспринимая все общественное значение Руслана, особенно остро было воспринято в литературных кругах. Не было почти ни одного поэта, который не откликнулся бы на смерть Пушкина. С самого следующего откликом было знаменитое стихотворение Лермонтова «Смерть поэта». На этой странице мы помещаем малоизвестные стихи современников Пушкина, посвященные ему.

А. А. ДЕЛЬВИГ

Кто, как лебедя цветущей Августии,
Осениний и миртом и лаврами,
Майской ночью при хоре порхавших
Сладких грезах отнялся от матери,
Тот в советах не мудрствует; на стены
Побежденных знамена не вешает;
Столб кормами судов неприятельских
Он не красит пред храмом Арфеем;
Флот с несметным богатством Америки,
С тяжким золотом, купленным кровью,
Не вмущает дракуры экватора
Для него кораблины бегущими,
Но с мадленчества он обучается
Воспевать красоты поднебесные
И занял его от привыкности
Удивленной толпы горят пламенем.
И Паллада туманное облако
Рассекает от взоров, — и в юности
Он уж видит священную истину
И покор, исподобленный взирающий!

Пушкин! Он и в лесах не увердается;
Лира выдаст его громом пением,
И от смертных воссият бессмертного
Аполлон на Олимп торжествующий.

1815.

Н. М. ЯЗЫКОВ

О ты, чьи дружбы мне дороже
Приветов ласковой молвы,
Милых девиц пригожей!
Славее царской головы!
Отнем стихов озанченную
Те достопочтенные края
И ту голицу золотую,
Где и лога мы: ты да я,
Два сына Руси православной,
Два первенца полючных муз,
Постановили своеизрано
Наш поэтический союз...

1826

Б. Л. ПУШКИН

Поэт-премианник, спрашивало
Мы называли классиком тобой!
Все, что умно, красорочно,
Все, что написано с душой—
Мне явrantся, меня пленяет.
Твои стихи, поверя, читаешь
С жизнью восторгом для твой.
Латони сына ты любишь.
Тебя он вкусым одариш;
Очарователь и счастливцев,
Сердца твои наливаю.
Своим талантам превосходным,
Все мысли выражают способным.
Руслан, Казахский Пленник твой,
Фонтан, Цыганы и Египет
Прекрасных полны вдохновений!
Они всегда передо мной,
И не для критики пустой
Я их твержу — для наслаждения...

1829

По прочтении сказки Пушкина
о царе Салтане и пр.

Пушкин, Протей,
Гибким твоим языком и волшебством
твои песнопения!
Уши закрой от похвал и сравнений
Добрых друзей;
Пой, как поешь ты, родной словес!
Байрон гений, иль Гете, Шекспир,
Гений из неба, их правов, и стран:
Ты же, постигший таинство русского
духа и мира,
Пой нам по-своему русский Базы!
Небом родным вдохновенный,
Ведь на Руси ты never неисправенный!

1831

В. А. ЖУКОВСКИЙ

Он лежал без движенья, как будто по тяжкой
работе
Руки свои опустил. Голову тихо склоня,
Долго стоя я над ним, один, смотря со вниманием
Мертвому прямо в глаза; были закрыты глаза,
Было лицо его мне так знакомо, и было
метко.
Что выражалось на нем — в жизни такого
Мы не видали на этом лице. Не горел алого
новенья

Пламень на нем; не сиял острый ум;
Нет! но какою-то мыслью, глубокой, высокою
мыслью
Было обято оно: минилося мне, что ему
В этот миг предстояло как будто такое ви-
дение,
Что-то сбываюсь над ним; и спросить мне
хотелось: что видишь?

1837.

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ

НА ПАМЯТЬ

В края далекие, под небеса чужие
Хотите вы с собой на память перенесть
О близких, о стране родной живую весть,
Чтоб стих мой сердцу мог в минуты неизвестии,
Как верный часовой отклинувшись: Россия!
Когда беда придет, иль просто как-нибудь
Тоское по родине занест ваши груды,
Не ждите от меня ви радостного слова;
Под слезами трауром начального покрова,
Сложи с глазам своей венок блестящих роз,
От речи радостной, от песни вдохновенной
Отмыла муз: ей над урной арагонской
Отны суждено быть музой вечных слез.
Однако думо, одим событием помый,
Когда на чужой брег вас переносят волны,
И звуки родины должны в последней раз
Печально пррезаться и отозваться в вас,
На память и в завет о прошлом в мире новом,

Я вас напутствую единим скборным словом,
Затем, что скборь моя превыше сил моих,
И, верный памятник сердечных слез и слона,
Вам затвердю одно ридящий мой стих:
Что проги звезда с родного небосвода
Внезапно сорвана средь бури роковой,
Что пелис лучше поззи родной
Внезапно замерли на лире онемелой,
Что над во всей поре красы и славы зерой
Наш лавр, наш велич лавр, услада наших
дней,
Который трепетом и сладковинчим шумом
От сча воспринувших пророческих астей
Боцца глория богов за севере угромом,
Что навсегда умоук любимый наш поэт,
Что скборь постигла нас, что Пушкина уж нет!

1837

ПРИМЕЧАНИЯ:

Августия — поэтическое название Италии.
Арей — бог войны.
Паллада — богиня мудрости.
Протей — великий, обладавший гаром принимать самые различные образы.

Олимп — гора в Греции, где согласно мифам, было
живице багров.
Аполлон — Феб — в мифах сын Атланти и Юпитера —
бог искусства и науки.
Баин — легендарный древнерусский венец.
Зевес. Юпитер — самый могущественный из богов.

Пушкин и Лермонтов

Статья проф. Б. ЭЙХЕНБАУМА

Ты же, и в этом есть краю
Один, кто нова письмо твое.

Лермонтов.

Когда Пушкин погиб, Лермонтов было только 22 года. Он еще не выступил в печати, если не считать поэмы «Хаджи Абрек», напечатанной в «Библиотеке для чтения» в 1835 году не по его желанию. Сохранилась легенда о том, что Пушкин, прочитав поэму, сказал: «Дамеко мальчик пойдет». Но одной достоверной фразы Пушкина о Лермонтове в литературе нет.

Нет и достоверных сведений о личных встречах Пушкина с Лермонтовым, об их знакомстве. В подобном «Записке А. О. Смирнову» (1897 год), есть упоминания на эти встречи, но верить этим узаконенным письмам, Трудно себе представить, чтобы в годы 1833—1835 (после окончания коптерской школы) Лермонтов не встретился с Пушкиным, зная с ним в одном городе и бравшись в одном общем круге. Известно, что в разговорах они не вступали: Лермонтов не решался это это. Надо думать, что если бы их знакомство было ближе, то какойнибудь след от этого сохранился бы если не в Пушкине то у Лермонтова. Между тем в «Стихотворениях Лермонтова» нет его стихий в которых нет ни одного именика на это.

Зато стихи Пушкина были навесты Лермонтову с самой ранней юности, почти с детства. Об этом ясно свидетельствуют первые же его же первые поэмы: «Чаркаса», «Кавказский пленник» и «Корсар». И сюжеты этих поэм и отдельные строки восходят прямо к Пушкину, но поэма «Кавказский пленник» сделана Лермонтовым более трагичной. Пушкин сам писал о своей поэме: «Затем не уточнил, и мой пленник — скажи, какое же он? Кажд членок, на пострига

очень благороден, но в герое поэмы не благородия требуется, что я не гожусь в героя романтического стихотворения... Чаркаса, изображен и правы занимает большую и лучшую часть моей поэмы; но не изменил ее вспомнил есть пленник в «Корсаре».

Лермонтов — по своему «неправдивому» Пушкину: пленник гибнет от руки чиркленника, а чиркленка бросается в Ереван.

Следы чтения и знания Пушкина видны во всех юношеских поэмах Лермонтова: виде прыхм или иногда слегка измененных цитат, но и с ранним лирическим сладко-пушкинским стилем, стилем торадо-романтизма. И не изменил и по ритму эти лирики блеск в Полонезе, «Улыбку», Невенантину² чик с Пушкином.

Однако встречи с Пушкиным и своего рода спор с ним есть и в ранней лирике. В 1829 году Лермонтов пишет стихотворение «Мой демон», повторяя заглавие пушкинского стихотворения, напечатанного в «Мнемозине» в 1824 году. «Мой демон» — это эпилог, в котором Лермонтов, самолично заложившись за собственные удары, на словах, а не в действии, от противопоставляет своего демона демону Пушкина. И, действительно (как это было и с «Кавказским пленником»), демон Лермонтова гораздо трагичнее и страшнее. Пушкин даёт

слого демона в образе человека, который стал навещать его. Не даром читатели узнали в нем своего приятеля Пушкина, А. Н. Раевского:

Ненасытимой клятвами
Он произнес изнушав:
Он заз с прокрасное мястою;
Он вдохновение превра.

Демон Лермонтова — существо спирчалеческое: он носятся «меж дымных облаков». По-

имени как герой, ни в чем не расставаясь и ничего не прощая.

Пушкинскому Алько, размечтанный, растерянный и изнужденный, находит себе приют в поэзии Лермонтова, как родоначальник его героев: Арбенина, Демона, Петорина.

Это отношение к истории и к обществу, эта страстная сосредоточенность на проблеме сильной личности, на проблеме «воли для себя» характерны для Лермонтова как для человека тридцатых годов — эпохи крайнего разочарования в жизни, безнадежности, одиночества русской интеллигентской дворянской после разгрома декабристов. Пушкин еще успел захватить александровскую эпоху — эпоху вслыхающих общественных чайний и надежд, но и он пал, в конце концов, жертвой «николаевщины».

Мыслище его современники вступили в жизнь уже после 1825 года — в самую глухую пору.

Именно поэтому исторические темы и языки редко удавались Лермонтову, сколько раз он ни пытались браться за них. «Польша» — это история польских восстаний, «Бородинская битва» — история битвы при Бородине, «Юрий Вольфович» — тоже условно историческая песня, основанная на фольклоре «Волки Орши», переданный из пренепр. «Истории», превращающейся в «Мирмак». Русский быт XVI века (изоляция Ивана Грозного за морем) — тоже совсем «Алько». Лермонтов Карапаша и Савина эта изменчивость и подвижность времени и места действия позволяют, что в основе замыслов Лермонтова были отвлеченные идеи и отвлеченные античности — носят общих идей и эпострофы, а исторические обстоятельства — ряда второстепенных, дополнительной роли. «Болтунья» или «Медного всадника» несомненно предстает вне описанных в них конкретных чертами эпохи, а в поэмах Лермонтова это вполне возможно.

Характерны в этом смысле «Вадим». Лермонтов писал «для а то же время, когда я писал „Алько“ и „Бородинскую битву“». «Заболевание» тогда тоже — «все в пурпуре», которой боялись помещицы, подсказала обоим писателям склонности для исторических романов. Пушкин же закончил «Дубровского», потому что авантюрная линия склона стала брать верх над общественно-исторической. Вместо «Дубровского» была написана «Капитанская дочка».

«Вадим» Лермонтов остался немножечко на второй плане. Отвлечено романтический склон, в центре которого оказалась демоническая фигура горбуна Вадими (нечто вроде Квазимодо на «Соборе Парижской Богоматери» Гюго), оказался лишенным исторической конкретности. Черты иститеческих лиц, подголовленные юношескими поэмами, собраны здесь как в фокусе на тему «тугаченческого» отца на задних планах.

Так определялась существенная, принципиальная, знаменательная в историческом смысле разница между поэтической системой Пушкина и юного Лермонтова.

В 1836 году Лермонтов начал писать роман

Михаил Юрьевич Лермонтов. Портрет худ. Заболотского

вторяя тему Пушкина, Лермонтов окрашивает ее в более трагические тона:

Он ненадежность вселит,
Он превред чистую любовь,
Он все молены отвергает,
Он равнодушно видит кровь.

Так начинается у Лермонтова освобождение Пушкина, носящее характер полемики. Главное направление этой полемики — усиление в стихах трагических сюжетов.

Глубокая и напряженная склонность отыскивать поэзии Лермонтова от поэзии Пушкина. Трагические темы Пушкина всегда смычены с чувством исторической ответственности за судьбы народа, за судьбы человечества. И это — закономерность реальность за осмысленность ее процесса. Человек Пушкина всегда предстает перед нами как член общества, как человек определенной эпохи и культуры, как личность, поэтому Пушкин так органичен и так велик — реальность за смыслом. И это — закономерность реальность за осмысленность ее процесса и письма.

Следует обратиться к Лермонтову: Лермонтовский человек — брутал, неспособный с историческими законами и не перенести к ним; лермонтовская женщина — склонна, исключительная личность — злодей, но созданный не прядкой, а обществом и потому выступающий против нее в роли мстителя. Если он погибает, то

¹ Истор. автографы — ред.

² А. Пушкин (1805—1833), К. Рылеев (1745—1826), А. Веневитинов (1805—1827) — поэты пушкинской эпохи.

«Капитан Альговскагъ». Герой этого романа называл Петорином. Совсеменно несомненно, что фамилия эта возникла по аналогии с Онегиным. В рукописи романа имеется характеристика описки: вместо настоящего имени Петорина, Григория, написано сплошь имя Евгений. Образ Евгения Онегина, очевидно, участвовал в создании фигуры Петорина. Но роман был предложен вместо него Лермонтов начал писать «Героя нашего времени» — с тем же Петориным в центре.

Каковы же литературные отношения между этими двумя героями? Онегин и Петорин? И каково же принципиальное отличие всего лермонтовского романа к роману Пушкина? Простое ли это продолжение, сделанное последователем и послушным учеником, или нечто иное?

Измугнител резкий переход от того прозаического стиля, в котором написан «Вадим», к тому, в котором написан «Герой нашего времени». Эти вещи кажутся произведениями разных писателей, принадлежащих к разным литературным школам. Видимо, в основе этого небольшого художественного промежутка — все того года, когда или два, Лермонтов явно пережил за это время автобиографию, которую сам очень точно сформулировал в стихотворении 1841 года (когда эволюция от онегинского определилась и стала ясной самому Лермонтову):

Люблю я и люблю грусть,
Вспышности души моей,
И бурь шумных природы,
И бури тайны страстей.
Но красоты их безобразной
Я скоро таинство пости,
И мне наскучила я несказанный
И отговаривающей язы.

«Несказанный и отговаривающей язы» — это выражение, характерное и письма «Вадима». В те годы Лермонтов метафорически бросался от жандарма к жандарму, зажигательной и лирике, и драме, и роману, точно стараясь не отставать от Пушкина, двигавшегося с поражающей быстротой от одного заневоления к другому.

Таким образом Лермонтов становится более склонен к отчуждению и направлениям в сторону романтического стиля. Тут должна быть прояснена новая принципиальная встреча с Пушкиным.

Пушкин ввел своего героя до декабрямии, до 1825 года; Лермонтов создает в лице Петорина образ следующий за Онегиным поколение. Иной же стиль привнесли Пушкину и Пушкин — соби приятелем Онегина: его рассказ об Онегине подобрен и послаждательен, но окраинен добродушной и снисходительной ironией. Точно наскучив биографии своего героя-прятеля, он очень часто отстраняет его и называет читателем субъектами воспоминаний смесью мыслями и чувствами — «расказывая Петорину о своей жизни».

Лермонтов действует принципиально иначе: он составляет свой роман из отдельных повествований, пополам-фрагментов, ничем не заполняя промежутка между ними и даже не заботясь об их хронологической последовательности: хронологическая последовательность птиц, позел, образующих рощи, может совершенно не совпадать с хроникой их расположения эти новеллы.

Действие «Максима Михайловича», например, происходит позже, чем действие «Тамань» и «Княжны Мори». Мы знаем точное время, когда Петорин покинул Кавказ. Мы не знаем также, что делал Петорин в Петербурге в продолжение пяти лет, пропавших между его отездом с Кавказа и новым похищением. Но некоторые намеки самого Петорина можно доподлинно сказать, что в Петербурге вовсе не была совершенной пустой и праздной. Для понимания Петорина очень важен один его монолог, помещенный в конце «Фельдмана» («А мы им жалкие потомки!» и т. д.). Это — почти дословное повторение

«Думы» («Печально я гляжу на наше поколение»), а «Дума», в свою очередь, повторяет идеи Чаадаева. Петорин, несомненно, принадлежит к тому самому кругу оппозиционно настроенной и симпатизирующей с авантюристами и потому привлекательной и сам Лермонтов. Некоторая загадочность биографии Петорина, именно в той ее части, которая связана с Петербургом, объясняется, вероятно, тем, что раскрыть ее помесь Лермонтов не мог по привычке к конспирации.

Но дело не только в этом. Роман построен по принципу постепенного психологического углубления — по принципу постепенного движения от общего плана к краткому, взявшемуся терминам, яко тому принципу, который включает в себе расположение позел, так и смена их напоров. От первого отсюда, в котором характеристика героядается встремом постороннего и плодоносящего его приятеля, Максимилиана Михайловича, к другому роду очерков, где герой уже вспоминается со своим героями и влюбляется в «сам, изучая внешность, масть, кости, походку и пр. Далее, следует «Журнал Петорина», где автор ставит своего героя лицом в лицу с читателем. Но и здесь есть свое психологическое и эмоциональное движение от первоначальной отчужденности к привлекательности позы героя — позы героя («Тамань») — к дискусии, впервые раскрывающей душевную жизнь героя, а отсюда — к захватывающей новелле-эпизоду, подготавливающей гибель героя позадом и впереди. Различие между Петорином и описанной жизнью дано здесь как проэсмортная исповедь разочаровавшегося и готового к самоубийству человека.

Это не простое продолжение пушкинского романа, а усложнение. Лермонтов — не приятель своего героя, а пристрастный наблюдатель, обличитель, его задача — представить глубину и противоречия прошлого этого душевной жизни.

* * *

В творчестве Лермонтова с огромной силой, так же как и у Пушкина, звучат гражданские мотивы.

Еще в 1830 году Лермонтов пишет несильно политических стихотворений, в которых есть связь со стихами Рылеева, с кругом декабристских идей, тем и образов. Повесть «Последний сын волынщины», воспевающая героя новгородской волынщицы — Вадима, является как бы сводом юношеской политической

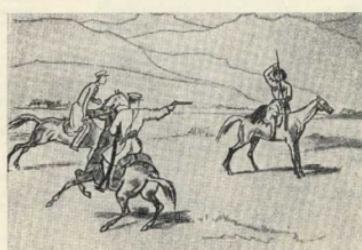
литературы — первоначально, исключительно юношеской, но впоследствии становящейся политической.

Некоторые из них, впрочем, были написаны в 1830—1831 годах.

Лермонтов пишет эти стихи в 1830—1831 годах.

Черновой автограф стихотворения «Смерть поэта».

Лермонтов пишет эти стихи в 1830—1831 годах.

Перестрелка в горах.

Рисунок М. Ю. Лермонтова.

Лермонтов пишет эти стихи в 1830—1831 годах.

21

просто навязанные со стороны: ими Лермонтов сознательно включает себя в число тайных последователей и учеников декабризма.

В числе стихотворений, послуживших Лермонтову образами для его политической лирики, была, конечно, и Пушкина «Волость». В призывах Лермонтова:

Сыны снегов, сыны славы,
Зачем вы мунюшом упали?
Зачем?...
Погибнет ваш тиран,
Как все тираны погибли...

ссыпались отзвуками пушкинских:

Питомцы ветреной Судьбы,
Тираны мира! трепещите!
А вы, музыкаетесь и взамите,
Восстаньте, падшие рабы!

Когда Лермонтов писал свои политические стихотворения, он анализировал пушкинские «Стансы 1820 года» и «Пушкин I» («В наследие славы и добра»). В 1829 или 1830 году по его лическим напечатанным отрывкам Пушкин дружил, обнимаясь с ним, с пушкинским наследием молодости:

Нет, я не аистец, когда щарю
Свою свободную славу:
Я сам чувствую вымраюко,
Языком сердца говорю.

Взволнованный Лермонтов пишет послание к Пушкину, в котором говорит языком декабристов, взывая Родине:

О полно изынтии разврат!
Ужель заложиши порфирия?
Пусть же глации боятся,
Пусть им звучит другая лира;
Но ты осталась, певец,
Златый венец не твой венец.
Изгнанник из страны родной
Хвальес посюду как свободой;
Высокий мысль и зуний
Рано смирился проприети.
Ты преда злу, но пред злом
Ты гордым не пошел членом.
Ты пел о велиности, когда
Тиран гремел, грозили кани;
Боясь лишь вечного суда
И чуждый на земле боязни,
Ты пел, и в этом есть краю
Один, кто понял тебя право.

Это стихотворение получает особенно сильное значение, если сопоставить его со следующими строчками «Смерти поэта», написанной в 1837 году:

Зачем он руку дал клеветникам
Изгнанникам, злодеям,
Зачем позорил он славам в ласкам
Ложным,
Он с юных лет постигнувший людей?

«Смерть поэта» — политическая ода уже нового типа, адресованная николаевскому правительству. Лермонтов выступает здесь как прямой потомок и наследник декабристов.

Лермонтов зоне не был тем «бутарем-одиничком», каким его изображали старые биографы. В конце тридцатых годов он был

в близкой дружбе с целой группой пушкинских молодежи, образовавшей так называемый кружок пушкинцев. Один из участников этого кружка, граф К. Браницкий, вспоминает: «Это общество состоялось частью из университетской молодежи, частью из кавказских офицеров. Каждую ночь, возвращаясь из театра или из бала, они собирались то у одного, то у другого. Говорят, что пушкинское училище, куда свою сытагу они рассыпались, устроило о событиях дня, болтало обо всем и все обсуждало с полнейшей беспредметностью и свободой, как будто бы III отделения собственной императорского величества капелляне и не существовало».

По всем признакам эта была кружок неоднородный, склоняющийся к последователям декабризма. Перечислены ее члены, большая часть титлованных, Браницкий на первом местеставил Лермонтова.

Вот действительный общественный и идеальный круг Лермонтова, и вот почва, на которой возникла таинство его стихотворения, как «Смерть поэта», «Думы», «Поэты». Гибель Пушкина, как бы боясь привлечь к себе это общество и наставляя за них потребовавшее впечатление. Голос Лермонтова был голосом не одиночек, а голосом целого общественного слоя, боровшегося с правительстом.

Но тем более трагическим должны были быть настроение и мировоззрение этих людей, и видящих выхода из создавшегося положения. Это было не решено, не покончено: Единомышленники одинаково не были и не могли быть. Но даром несмотря на все усилия. Болдинскому не удалось перенести Лермонтова к себе, в свой круг: Лермонтов сопротивлялся и отстоял на все двери Болдинскому политические стихотворения «Пурпурный, читатель и писатель». Скорее Пушкин, аморфий в другое время и в том же языке на путь профессионального литератора, мог бы говорить с Болдинским член Лермонтова.

***

Язык Лермонтова последних лет, как он кажется в общем похожий на язык Пушкина, другой по самой своей природе, по самому отношению к слову: это язык гордо более страстный и потому менее ясный, менее точный, более орнаментальный, более с нею, с мускусным напутствием, дополнительной частью до крика, обращенного в толпе. Лермонтов уже не опущает тех тонких смысловых оттенков, на которых построена система Пушкина; егъ речь — славы слов, а не их «сопряжение». Пушкин говорил: «дух отрицания, дух сомнения», но никогда не сказал бы «дух изгнанника» или «дух изгнанников»? Пушкин никогда не был для такого количества влюбленных в четырех строках:

Оправданы ого последнее мгновенье
Кровавым ящем поплоту, и на смену и
вихрь смены.

И умер он — с на прапоре якоювой
мощицы,

M. Ю. Лермонтов
С рисунком А. И. Палена (1840 г.).

С досадой тайно обманутых
вадек.

Это уже не столько поэтическая, сколько ораторская манера — эмоциональная слыча слов, в котором важно обладать впечатлением, а не оттенки.

Этой новой системе поэтического языка соответствует и новая система образов, жанров, ритма.

Сообщности этой системы становятся наименее ясными при сравнении стихотворений, написанных Пушкином и Лермонтовым на одно и то же темы. Здесь с наибольшей четкостью выявляются те коррективы, что внесены.

В 1824 году Пушкин написал деянье «Подражаний корану». Последние из них повествует об усталом путнике, блуждающем в пустыне и возвращающемся на борт; адрут на видит пальму и колодец под ней; напавший на него, забывший под пальмой, окроул свой осел. Пускавший ему вят, что он убил старец, что пальма исцела, что колодец иссяк и засох, занесенный песками, а от ослали осталась одна кость:

И горем обятый митновский старик,
Рыда, дрожащий главно поник..

И чудо в пустыне тогда совершилось:
Минувшее в новой красе окиновало:
Вновь заблестела пальма теплой главой.
Вновь колодезь наполнен прохладой.

и мглою.

И ветхие кости ослали встанут,
И телом оденутся и рев издают;
И чувствует путник и силу и радость;
В erosion заграды воскресшая мадость;
Святые восторги напомнили грудь;

И с ботом он дaleк пускается в путь.

«Три пальмы» Лермонтова написаны на ту же тему и этим же стихотворительным размером — и, однако же, каждая разница в трактовке! Бог Лермонтова — такой же жестокий мститель, каким был человек Лермонтова. С ботом Пушкин можно «пускаться в путь», а Лермонтовским нельзя.

Стихотворение изменено, и изменена принципиально: не только без жесток, но и люди же становятся спиритами не пущины, а пальмы, поменявшие роптать на бога:

И выше все дико и пусто кругом —
Не шепнутся листья с гремучим ключом:
Напрасна пророка о тени он просит —
Его лишь песок раскаленный заносит.
Да корыту холмисты, степной полюдим,
Добрычу теряется и ципает над ним.

Лермонтов имел полное право сказать Пушкину: «Ты пел, и в этом есть краю один. Помнишь ли ты, каким был я, когда я был юным и послушным учеником, а как сам я, будущий заново все то, что ты о нем говорил отец. Гибель Пушкина подтвердила Лермонтову то, что он предвидел и предчувствовал, вступая в тридцатые годы. И как настоящий духовный сын Пушкина и настоящий благородный сын своей родины, он погиб за то же и почти так же, как погиб его великий отец.

Мы забрались на вершину кругого, поросшего травой холма...

Зеленые холмы Африки

Эрнест ХЕМИНГУЭЙ

...Все, чего я теперь хотел, — это вернуться в Африку. Мы еще не покинули ее, но, проплывшись ночью, я лежал, прислушиваясь, как тоскуя по ней.

И вот теперь, глядя в пространство между деревьев и лодицами на небо, по которому ветер гнал белые облака, я так любил эту страну, что была счастлив как с женщинаю, которую любишь по-настоящему... Ты заставляешь времена остановиться, и иногда это останавливается и стоит так недвижимо, что ты прислушиваешься, когда же оно сдвигается. И оно очень медленно движется дальше, но ты не один потому, что если ты когда-нибудь по-настоящему любил женщину счастливой, нетрagedической любовью, — она будет любить тебя всегда. Когда бы она ни любила, будь она ни пошла, — она будет любить тебя навсегда. Итак, если вы когда-нибудь любили женщину из страны, вы счастливы, а если вы потом умрете, то это не играет роли.

И вот я, находясь в Африке, еще и еще жаждад Африки, смеш погоды, дождей, чтобы не нужно было путешествовать; неудобства, за которые я платил, чтобы сделать их реалиями; называя деревья, мелких животных и всех птиц. Жаждад познакомиться с языком, и иметь много времени, и передвигаться медленно.

...Дул сильный восточный ветер... Ветер нес перед нами наши запахи, спутывая все живое. Вечером недавно было смотреть на нынешние, не на крутые холмы на западе, за которые солнце садилось как раз в то время, когда носороги выходили из лесу. Таким образом, весь район к западу был вечерами для нас недоступен, а там, где можно было охотиться, мы ничего не нашли.

Американский писатель Эрнест Хемингуэй известен нашему читателю по переводам его книг «Смерть после полудня», «Фистинг» и «Прощай, оружие».

Хемингуэй — художник, дающий простые, на первый взгляд, обрамы, но раскрывающий в них сложнейшие противоречия капиталистического мира, в которых борются человек. Человек Хемингуэя не видят будущего и убегают от настоящего, которое его ухасает. Судьба этого человека изображена Хемингуэем с подлинным мастерством, с большим эмоциональным напряжением. Мы пе-чатем три отрывка, посвященных описание охоты, из его последней книги — «Зеленные холмы Африки».

Мы легли спать рано, в полночь пошел дождь, мелкий дождик с гор. Утром мы встали до рассвета, забрались на вершину кругого, поросшего травой холма, насыщенного над лагерем, спустились лодицей до русла реки, переправились на противоположной другой берег, откуда были видны все холмистые склоны и опушки леса.

Еще не рассвело, когда над нами пролетела стая гусей. В сером сумраке невозможно было видеть, следить рассмотреть в бинокль опушку леса. Мы послали разведчиков на три вершины холмов и ждали рассвета, чтобы разглядеть все сигналы.

Бадрут Пол¹ сказал:

¹ Пол, негр М'Колл и Друси и женщина Менсагиб — спутники автора в его путешествии по Африке.

— Погладите на этого сужника сына, — и вел М'Колла подать ему ружье.

М'Колл впринципику склонялся с холма. На том берегу реки, прямо против нас, быстрой ряски бежал носорог. Пока мы смотрели на него, он склонялся вниз к реке. Он был весь в красной глине, рог его был ясно виден, и в его быстром, обдуманных движениах не сквозило и тени неуловимости. Я очень разболталась, увидев его.

— Он намерен переплыть реку, — сказал Пол. — В него можно стрелять.

М'Колл вложил мне в руку спрингфильт, и я открыл затвор, чтобы удостовериться, что он заряжен. Носорог исчез из виду, но я видел, как колышется высокая трава.

— Как, по-вашему, каково рассечение?

— Примерно триста ярдов.

— Я его улюлю...

Я ждал, напорожнив замороженную свое волнение, приглушила его, стараясь привести себя до безличного состояния, в котором наслаждаются стрельбой.

Он показался: он склонялся к мелководной, усеянной галькой реке. Думая только об озлом, что момент для выстрела вполне подходящий, но что надо как следует поводить мушкой и целиться впереди него, я приподнялся и начал курок. Я услыхала вздох птицы и по поступи носорога решил, что попал ему в голову. С гневным ревом он ринулся вперед, разбрызгивая воду и ручь. Я выпустила еще раз, пульки позади него небольшой фонтан, и еще раз, когда он скрылся в траве, и еще раз вслед.

— Тига, — сказал М'Колл. — Тига! Друси был с ним согласен.

— Вы попали?

— Абсолютно, — сказал я. — Я думаю, он мой.

Други побежал, и я перезарядил ружье и побежал за ним.

Половина населения лагеря высыпала на холмы, крича и размахивая ружьями. Несколько побежали прямо под ними и помчались по долине в направлении к лесу, подступавшему к самой долине.

— Он ревел, как паровой котел, — сказала Мемсагаб. — Как он чудесно выглядел!

— Он нес домой молоко и огозды, — сказала Поп. — Вы уверены, что попали? Вы были с чертоски дaleкого расстояния.

— Я знаю, что попал. Я абсолютно уверен, что убил его.

— Тогда никому ничего не говорите, — сказала Поп, — вам никто не поверит. Поглядите! Други напали: слышны звуки.

Стоя под нами в высокой траве, Други держали в руке тряпки. Потом они нагнулись и быстро побежали по кровавому следу.

— Давайте будем держаться наверху. Мы отсюда увидим его, если он появится, — сказала Поп. — Посмотрите на Других.

Други сняли феску и деркало в руке.

— Этого ограничились все его меры предосторожности, — сказала Поп. — Мы беремся с собой в таких случаях архипонтильерные ружья, а Други, когда идет за нами, лишь обрастают с себя лишие предметы одежды.

Други и второй следопыт остановились. Други подняли руку.

— Они смеются надо, — сказала Поп. — Идем. Мы пошли по направлению к ним. Други подняли к нам и заговорили с Попом.

— Он где-то тут, — прощептал Поп. — Пойдем против ветра. Вы идите вперед с Другими, а Мемсагаб пусты идет за мной. Возьмите крепкональберные ружья. Так, все хорошо.

Несколько склонился в высокой траве, где-то за кустарником. Половой блок, мы услышали что-то вроде тяжелого, стучащего вздоха. Други согнулся на меня и оскалился. Тот же звук, переданный на этот раз во вздох, захлебнулся кровью... Други рассмеялся.

— Фаро! — пропела он и приложил открытое ладонь к щеке, как бы изобразив спящего слепета.

Потом мы увидели, как порывисто взлетела и исчезла стая остроносых птиц. Мы поняли, где он и мгновенно двинулись вперед, раздвигая высокую траву.

Мы увидели носорога. Он лежал на болту метрый.

— Встречайте-ка в него еще раз для верности, — сказала Поп.

М'Кола передала мне спирнгфильд, который он нес. Я встал на колено и выстрелил. Носорог не шелохнулся. Други покаял мне ружь, и то же самое сделала М'Кола.

М'Кола была очень счастлив; он помахивал рогом, замеряя его растопыренными пальцами, искал пульевые отверстия.

Когда подошла весть наш отряд, мы перегородили носорога, поставили его на колени и срезали траву, чтобы сделать несколько снимков. Пуля заставила довольно высоко всплыть в спине, чуть позади лестинки.

— Это был чертоский выстрел, —

сказал Поп. — Чертоский выстрел! Никогда никому не рассказывайте.

— Вы дадите мне удостоверение.

— Тогда нас обоих сгутят лягушками. Странная тварь, правда?

Он лежал перед нами, с длинным туловищем, толстобокий, докторнический. Кожа его напоминала вязанную нитевую резину и насыщалась немногим прогнившим; на ней виднелась плоская зажившая рана от удара рогом, расклененная птицами. Толстый, круглый, заостренный хвост, по которому ползали плоские многоугольные клещи, волосатые уши, крошащие синие глаза, рог, торчащий из носу, обросший у основания мохом... Поп смотрел на него и на его голову.

Я был согласен с ним. Чорт знает, что за животное!

— Каков рог?

— Неплох, — сказала Поп, — но ничего особенного. Это был чертоский выстрел, братец. — М'Кола привратился, — сказала я.

— Вам самому очень нравится, — сказала Мемсагаб.

— До сумасшествия, — сказала я.

— И мы отчаянно следопыт и меткий стрелок, — сказала Поп. — Говорите уже все.

— Отстаньте от меня. Я сказала это только один раз в плюном виде.

— Одни раз? — подхватила Мемсагаб. — А я не рассказываю ли это во халдейский вечер?

— Ей-богу, я меткий стрелок.

— Удивительно, — сказала Поп. — Я бы никогда не подумал! Каждый подигнит вы еще совершили?

По дороге в наш главный лагерь я наудачу выстрелила в антилопу с расстояния двухсот ярдов и перебила ей шею у основания нижней челюсти. М'Кола была очень доволен, а Други — просто в восторге.

Пуля, ударив в шею антилопу, целину за слово мяч, отбитый белобойной пакой, и антилопа поклонилась как подковенникам.

— Надеюсь его остановить, — обратилась Мемсагаб к Попу. — Куда вы метаете?

— В шею, — сказала я: на самом деле я целилась в лопатку.

— Чертоски адороз! — сказала Мемсагаб.

— По-моему, он бесстыжий лупа, — сказал Поп.

— Нас великих стрелков, никто не ценит. Разве только после смерти.

— Он, как видно, рассчитывает, что мы несем его на руках, — сказала Поп. — Этот погор погубил его.

— Ну, ладно, теперь следите за мной внимательно. Я все время стрелял метко.

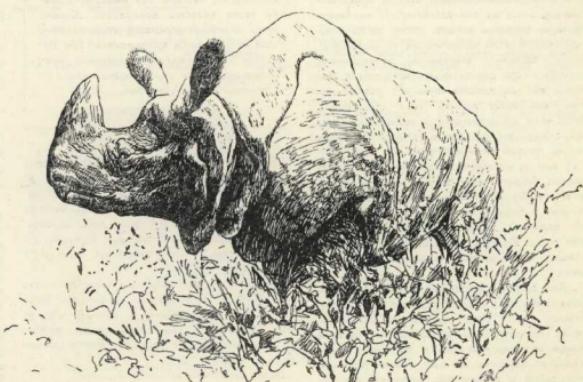
— Я помню один случай... — не унимался Поп.

— Я тоже вспомнила этот случай. Я как-то вес утро преследовал великолепную антилопу, пулеметом раз за разом, потом взбралась на муравейник, чтобы уклонить другую, гораздо худшую, отдохнула на муравейнике, промахнувшись с пятидесяти ярдов, видела, что она стоит прямо против меня абсолютно неподвижно, задрав нос, и выстрелила ей в грудь. Она перекувирнулась, но когда я подошел к ней, вскочила и убежала, спотыкаясь. Я сел и стал ждать. Когда она остановилась, повинувшись, обессилен, я выстрелил ей в шею медленно и тщательно. Я измазал восемь раз подряд во мне пыльца, поднялась тучная злая, я по корректировкам своей стрельбы и стреляла все в то же место. Все носильщики смешались лицом, Мемсагаб и Поп не произнесли тогда ни слова, а я все сидел, холодный, опомнувшись от тупой ярости, тщедро решив перебить ей шею, но ни в коем случае не вставать и не гнаться за ней по всей расставленной, спешившейся поудобнее равнине. Ништо ничего не говоря. Я протянул руку, чтобы М'Кола дал мне еще зарядов, опять начал стрелять очень тщательно, опять мазал и на десятом выстреле перебил ей ее проклятую шею. Я ушел, не заглянув на нее.

— Ведный папа, — сказала тогда Мемсагаб.

— Свет и ветер виноваты, — засмеялась Поп. — Все пухи были в одно место. Я видел, как они взрывали пыль

— Я был гусиным, провоженным, тушил дураком, — сказала я. — Во всяком случае, теперь я научилась стрелять.

...Прямо против нас быстрой рисью бежал носорог.

М'Кола запустил в зверя камнем.

ка, непроходимый, как джунгли, и на всем про-
тяжении дороги мы обгоняли зучки людей,
шедших на запад. Одни были совершенно го-
лы, только плащ обмотано грязной тряпкой.
У некоторых были колпаки. Богатые держали в
руках зонты и кутались в белые плащи; их
женщины шли за ними сзади, неся горничные и
кастрюльки. Все эти люди уходили от голода.

В пылающем зною, надвинутом шлемах на глаза,
разогнанных дорогу и людей, ища в прорубах
кустарника сады дичи, мы искали на
запад.

Одня раз на полянке, между кустами, мы
увидели трех небольших куду¹. Серые, толсто-
брюхие, длинношеие, долоупые, с маленьмыми
головами, они испуганы в кустарник и исчез-
ли. Мы вскочили из автомобилей и пустились
за ними, но не нашли слада.

Чуть подальше стайка быстроногих зесарок
солидной расцветки перебегала дорогу. Тогда
я выпрыгнул из автомобиля и бросился за
ними, как они испугнулись на направление к
деревьям, подняв лапы к голове фронтову,
взбрызгав дробью короткими крыльями и кудах-
ча. Я подбил двух, они тяжело шлепнулись о
землю и забыли крылья. Други отреагировали
им головами, тем самым указавши им в качестве пи-
щи. Они отнесли их в автомобиль, где М'Кола
заливалась смехом — здорово смели стариковским
смехом, полным надежды надо мной, охотниччьим
смехом. Моя промахи доставляли ему
истинное наслаждение. При виде падающих
птиц он смехался, а когда я мазал, ряжал от
холода и тряс головой.

— Спросите его: какого черта он смеется? —
спросила я как-то Попа.

— Вы кажется ему смешным, — ответила
Поп.

— Отлично! Я смешна? Ну и чорт с ним.
Вы ему кажется очень смешными, — сказала
Поп. — Мемсагиб и я — мы не стали бы
смеяться.

— Постреляйте-ка сами!

— Нет, птицы — это по вашей части. Вы
признанный охотник на птиц, — сказала Мем-
сагиб.

Так охота на птиц превратилась в велико-

лешную забаву. Когда я попадал, обектом на-
смешек были птицы, и М'Кола качал головой
и смеялся и делал кругообразные движения
руками, изображая, как птица кувыркается в
воздухе. А когда я делал промах, предметом
недовольства становились я сам, и он, глядя
на меня, трясясь от холода.

Поиздял, только гиена была еще забавнее.
В высшей степени смешна подстrelенная
сиади гиена, беспомощно паничающая среди
деревьев. Волчок толстых брюхов, она но-
сится все быстрее и быстрее, пока в конце
концов не летит кувыроком.

Еще забавнее была гиена, подстrelенная с
большого расстояния: как она опрокинулась
на мордашку от этой позы, как начинала
бешено кружиться! Это электрическое верче-
ние означало, что она пытаются обогнать ма-
ленькую никелевую смерть, засевшую в
ней.

Но самым отвратительным зрелищем, при
виде которого М'Кола закрывала лицо руками,
была гиена, подстrelенная в зад на бегу: она
начинала бешено кружиться, громя и ряжая себя
до тех пор, пока из нее не вываливались внут-
ренности; тогда она останавливается, вывалив
из наружу и покидала со смаком.

— Физи! — говорила М'Кола и качала головой,
радуясь и ужасаясь тому, что есть на
свете такие мерзкие твари.

Физи — гиена, покажательница падали и са-
мой себе председательница толпящихся коров,
при случае обходящая ночью, когда вы спите,
ваше лицо, горести вонючая, бродящая воз-
круг лагеря, вонючая, гигантская, перегрыза-
ющая кость, с которой не справился лев, во-
лочасый брюхом, паничуя на коричневой по-
ляне, озирающаяся с выражением собачьей
боги на морде убийства.

— Физи! — смеялся М'Кола, стыдясь ее и
какой черной головой. — Физи! Себя жрет.
Физи!

* * *

В тот вечер, когда мы убили нашего первого
лева, мы добрались до лагеря затемно.
Лев был убит как-то непонятно и неудов-
летворительно.

Мы заранее решили, что право первого вы-
стрела будет предоставлено Мемсагибу, но по-
скольку это было для всех нас первый лев и
было очень подозрительно — в сущности, самшок
поздно для охоты на льва, — мы решили устроить
свободное соревнование: пусть каждый ста-
рается, как может. Это было удачный план,
так как солдат почти умел сабель: если раненый
лев заберется в какое-нибудь логово, то в тем-
ноте без пушинки все равно не обойтись.

Помни, как я видел льва — желтого, с тя-
желой головой, огромного, на фоне низкорос-
лых деревьев, в центре праянственной полян-
ки — и Мемсагиб, пропавшую на колено; поми-
ни, как я хотел сказать ей, чтобы она села и как следует приселкался. Потом ударил ко-
роткотыльный манжер, и лев побежал на-
лево странной мягкой копытной рысью. Я вы-
стрелил в него и спрингила. Он упал и
перекинулся. Я выстрелил еще раз, сшиб-
ком послышно, и поднял вокруг него облако
пыли.

И вот он лежал, вытянувшись на брюхе,
и мы шаг в темноте народное ополчение
или карательный отряд, с взвешенными ружь-
ями на прицеле, не зная толком, оглушен ли
он или убит.

Когда мы подошли совсем близко, М'Кола
запустил в него камнем. Камень ударила его
в бок, и по тому, как он ударил, мы поняли,
что зверь мертв.

Я был уверен, что уложила его Мемсагиб,
но мы нашли только одно отверстие от пушки,
чуть пониже хребта: она пробила его насквозь
и застряла под кожей на груди. Ее можно
было прощупать пальцами, и М'Кола сделала
подбородок и извлек ее. Это была пуша, выпущен-
ная из спрингила: она-то и уложила его,
пробив легкие и сердце.

Я до того был наизуслен тем, как он пер-
выми вынырнула и умер от одного выстрела, в то
время как мы готовились к атаке, к горечи-
ческой скватке, к драме, когда спутники себя
скорей поддавленным чем доволились.

Наши спутники-игры поклоняли руку Мемсаги-
бу, а потом подносили ко мне и тоже поклоняли
мне руку.

Перевод с английского В. С.

Вашетки об интересных КНИГАХ //

КНИГА БОЛЬШОЙ ИДЕИ

Новый роман Павленко «На постое» захватывает с первых же страниц. Сначала кажется, что главное в нем — изображение Далянга Востока, но мы благодарим писателя, который так талантливо и ярко изобразил эту богатую и прекрасную часть нашей родины. Перед нами своеобразный дальневосточный пейзаж, где волны, «смытые сильным ветром», и герой расшибаются — боятся ли и теряют равновесие. Мы слышим дыхание океана, мы узнаем, как выглядят линии горизонта, покрытые мятежными огурцами снопов. Мы спартируем по городам и поселениям необъятного края, где колхозы и погороднические заселки, где вдали виден одинокий дальневосточный поселок на берегу Балтийского моря, где безымянными строками в тайге этих будущих городов, различимыми пока по номограммам. Города еще нет, но уже прочерчены улицы, стоят дома, и город называют житьем, где люди работают, учатся, любят и живут, а в гараже театра поднимают занавес первого своего спектакля...

Читавши дальше и выше: поэтическими, художественными, пародийными, чисто — техническими — полностью овладевают своим вниманием.

Вот герой Шотмана, обаятельный и магнетический, мечтаемый пропадающим в тайге и дальнине своим смыслом, своим смыслом, своим сердце, идет впереди, и перед ним, которых он расчет не имеет, же есть. Вот Луза, неутомимый следящий и охотник, каждая капелья крови своей готовый защищать границу от врага. Вот чекист Шлагель, че-

На маневрах. (На дальневосточных берегах). В. Павленко.

ловесной редкой проницательностью, женской воли и горячего сердца. Вот пограничник Шершнин. Вот пастырь, матросы, гардемарины, ставшие директорами предпринимательских дивизий, строительства городов. От имени всех их проходит свой тост Варвара-брата, ставшая директором промышленности.

— Взысько за советскую власть! Что она с нами сделала!

Читавши еще дальше, и кажется, что не люди, а война — главное в романе Павленко распускает опереди, увлекает в будущую гигантскую схватку двух врагов фантастической Японии и Советского союза. Только советский писатель мог так глубоко и верно,

учи движущие силы истории, нарисовать картину, которая стала широкую и убедительную. Бог вспомнил по всходу. Враг вступает на нашу территорию, но затыкается на могучую тесину, ограждающую рубежи страны. Враг бомбит Владивосток, но красная авиация уничтожает его. Враг организует диверсии, но береговая охрана и трудящиеся массы Востока, деморализующие его тыл... Павленко не скрывает, что война будет кровавой и жестокой, но поражение предвидит. Он пишет: «Чтобы нас побили, надо уничтожить все человечество».

И только завоевания книгу, убеждающие, что все это одновременно важно и значительно; и изображение Далянга Востока, и описание сил людей, и картину будущего мира. Но удача автора в том, что все это освещено слогом большой идеи.

Идея советского патриотизма, воплощенная в жизни и убедительных образах,— вот что составляет основу этого романа.

Преодоление этого идеи — это преодоление идеи чужеземца, человека, который не родился в России. В книге дают долгожданное выражение патриотической любви к своему народу, изменениями в котором — презренны агенты Иудаизма. Третий же элемент романа Павленко заставляет читателя еще раз проверить свою мужество, волительность, готовность к общирному.

Роман был напечатан в журнале «Знание» № 7 и 12 и выходил в издании «Роман-газеты».

ЖИВОЙ РЕПИН

Недавно в издательстве «Искусство» вышла книга писателя Корнеля Чуковского о великом русском художнике Репине.

Чуковский описывает книгу фотов: здесь нет пропагандистских рассуждений и спороспальных выговоров. Одно к одному подыгрывает автор искусству русской культуры. Бездели, цитаты из писем — перед всеми, вперед вспоминает живой Репин. Вся книга — в замкнутость энциклопедии Чуковского именно в том, что она закрытая характер Репина, показывает, как те или другие стороны репинского характера складывались на творчество великого живописца. Само имя Репина показывает Репина, который был живым звеною с законами лермонтовской эпохи от искусства. Репин всю жизнь стремился создать в родном черноморском Чугуеве трудовую рабочую академию художников. Но на общественном мнении художника у него почти не осталось времени. «Всю эту чрезмерность старой земли он в свое искусство. Утром, взахватив спички, бежал он в мастерскую и там истязал себя творчеством. Потому что труженикам он был близок, а также и даже немногим страдал от этой страдальной работы, которая заставляла его от расщепа до смущения, не покидая книжей, отдавая все силам огромным полотнам, обступившим его в мастерской».

Когда Чуковский познакомился с Репиным 25 лет назад, он пришел на мольберте картины «Пушкин над Невой», над которой Репин и а ее время работал. Когда Чуковский незадолго до смерти Репина побывал у художника, та же картина висела у него на мольберте. «Двадцать лет он мучился с ней», написал о ней Чуковский.

И несмотря на весь этот мутильский труд, Репин не уставал жажде насыщаться красками жизни. Чуковский пишет о следующем комиком: «Помню, как-то звонил в Чуковский, у него в саду, разрывая с ним, и увидел, что у меня под ногами из белого снега настолько из репинских сюжетов оставила следы, что галька в желтуху лежала вокруг. Я сам, не зная, что это делало, стал роскошь сапога спрятать опровергший снег, чтобы высказать немногим патию... И видит Репин застыла страдальчески: «Что ты? Чем ты? Я три дня хожу а боевыми, атмосферами житарным топом... А я...»

«Мы лучше картины — не писались», — говорит Репин Чуковскому.

И Чуковский показывает нам этого художника в мастерской природы, где все вокруг было его неизысканными картинами.

Чуковский показывает Репина — величайшего реалиста, который мог замечать даже в уединенных своих фигурах в картинах «Вольницы» потому, что, что, оно искренне, эта фигура заслужила основную идею картины.

Чуковский использует в своей книге многочисленные факты, на-копленные им в течение двадцати лет, — общение с художниками и звездами, которые читались в мастерской великого художника, знакомят его с живым Репиным.

«Арийский вождь».

Книга Георга Борна «Гуливер у арийцев» («Молодая гвардия», 1936) переносит нас на 500 лет вперед. Давно покончено с эксплатацией, заряжением, мир забыл о

Обесподженный раб арийского государства. (На арийский остров к книге «Гуливер у арийцев».)

войной и монголо-татарским грабежами. Вся земля превращена в цветущий сад коммунизма. Человек будущего — Гуливер — случайно попадает на остров, отрезанный от мира островом.

Низкий обитателей острова по-

ражает его более, чем поразило бы нас открытие страны, где люди физически походят друг друга.

Никакой зуна, королев и царинских возможностей правит островом. Ни них работают обслеживающие люди, потому что «что я работает, тот и получает». Страна — это «государство».

Существуют еще промышленные линии, всяких интеллектуальных, финансовых и прочих возможностей самцы, отбирающие более тщательно, чем в племенном рассаднике, потому что «закон расы превыше всего». Никаких острогов, покояющихся хромоногими башами. Он требует нормы и в достаточном количестве получает их, обезглавленных при помощи топора. Умерла культура, забыта письменность, изысканные производительные силы позволяют еле-услышать голос, выродились люди...

Но как и когда было основано это уродливое карикатурное государство?

Некогда арийские хотели завоевать всю землю и установить на ней «закон расы». Побежденные в схватке с передовыми человечеством, они отправились искать себе обители. На этом острове нашли они его и завели здесь свои по- ради.

ВРАГ МЕЩАНСТВА

Фельетон Л. ЛЕНЧА

В этом мещанском, тщедушном человеке с бледной, бледной, шейкой и красными большими глазами было столько драматической самоуверенности, что даже только румыны разводили: откуда это у него?

«А он, не обращая на нас никакого внимания, упорно гнула свою линию.

Каждый вечер повторялось одно и то

Он (его звали Степан Серафимов) приходил домой, в общежитие, раньше всех. Не умываясь, прямо в ботинках и штанах, на которых пыли хранило бы на целую батарею пылесосов, он ложился на чужую кровать, брал чужую газету и, аппетитно жуя чужой бутерброд, наслаждался покоям из чужих рук.

Тут же, рядом, стояла его собственная кровать. Спящими имелись получалки однокровье, так что кунить себе холбасы на узких Степан мог бы и сам. Газета у него была одна, но, конечно, блестя, ему организмы претила пользоваться собственными.

Навсегда мы, и начинялась ежедневная баталия. Обычно ее открывал Саша Кимов:

— Степан, как тебе не стыдно! Ты опять сорвал мою колбасу!

— Чем занят «ты»? В условиях общежития нетрудно меняться «ты», «я». Левая на столе обобществленная холбаса, а подпись «я».

— Какая же она обобществленная, когда она хромковская и на мон собственные ленивые купленные?

— Не горой: завтра я куплю — сень.

— А завтра ты уже много раз проси: не долю на мон!

— Задумайтесь! И этот туда же! Кровати ему касенной хлало! А ты ложись на мон — слова тебе не слыханы.

— Зачем же мне на твою кровать ложиться? — дипломатически говорил Женя Кулакин.

— Продай тебе самому лен на нее.

— Отважись, Женка! На какую кровато

лег, на такую и лег! Советую тебе подавлять инстинкты собственника: они не доведут тебя до добра.

Тут вступались мы с Петей Панасовым, и через десять минут Степан уже сидел, поджав ноги в греющих ботинках, на краешке Ленинградской кухни, кружившейся вокруг него:

— Мало ли с вами, мещане! В вальдом из вас сидят зеленые бурухи и гиусные собственники!

Надеюсь мне эти гиусенные «я» эмоции.

Нужно было принять какие-то меры.

Однажды Саша Кимов принял к нам високий племянник детского хора второго курса Валера Карапетян. Карапетян сказал, что бороду знает Сергея Серафимова и боится наставлять его на путь правильный.

Рис. П. Клэттенберг

— Что я слышу! — всхлипнула химик. — Ты говоришь: «моя кровать»?

Мы очень обрадовались.

— Случай запущенный и трудный, — сказал Вася Карапетян, — так что будет много. Однако за успех ручалось. Дайтесь мне холбасу и его забытую щечку.

Когда Степан открыл дверь в нашу комната, мы увидели, что его кровать и, поставив одну палку на боковую рядом с подушкой, чистая свой ботинок его зеленой щечкой, обильно смазанной в баке.

— Задорно, Степа, — весело приветствовал он Степана Серафимова. — Сколько лет, сколько

ко змам!

— Привет, Карапетян. Зачем чистить обувь на моей кровати?

— Что я слышу! — возмутился химик. — Ты говоришь: «моя кровать»? Бедное дитя мое, и тебе уже развернули эти гиусные собственники!

Химик показал на нас, с молчанием сладострастием взаимодействующими эту ситуацию.

Никто меня не развернул, — пробормотал Степан. — Если я на твой кровати стану чистить ботинки, тебе приятно будет?

— Ради бога, чисти, сколько влезет. На тебе давладать колеек, сядись на семизадытый трон поясной за 1-ю Мещансскую, дом 8, обивкой из кашемира, сиди на троне, двери, спрынтий, Винеский немецкий, через час почнешь стиснуть... Штетта лягут на подлокотники,

— Глупые штуки! Обожали, ты же мою зубную щечку изгадил!

— Новое проявление инстинкта собственности: «моя щечка». Принесли к нам, задорные, и инстинкты зубы моих щечек. Она там же, на подлокотнике, лежит рядом с сапоговой.

Не отвечая химику, Степан Серафимов сел за стол и начал развязывать привнесенный спортом с присасками. Когда из бумаги альбома вывалился большой круг чайной кобальтовой химии склонкой отложил щечку и, не вытерев руки, принялся за узки. Не успел Степан мигнуть, как его холбаса исчезла.

— Это я себе пущу, холбасы, — робко замечал Степан.

Разумеется? А я думал, она обобществлена.

— Но я тоже приехал за звотом на Мещанскую, чтобы тебе угоду. А сегодня как-нибудь уж там обобществлены: сегодня у меня денег нет. Это что за карточка на твоей тумбочке стоит?

— Так... Девушка одна знакомая.

— Ничего модашика. Ей ее себе возвозу, Степан. Люблю таких остроносенных!

— Ты с ума сошел! Эта карточка она мне подарика.

— Одеяль в тебе мещанин заключает, Степа. «Моя карточка», «Мне подарки...» В условиях общежития нет места эти гиусные буржуазные инстинкты «моя», «ты». Звотная привела к нам в Мещанскую, возмозгнула себе другую звотную. Однажды на нашем парню бабушка своей портрет пришла. Вот бабушку и беря.

Химик сунул в карман пальто карточку стекановой лягушки, кинул на голову и вышел.

Мы вскочили следом за ним.

— Карточку умоляю отдать звотра утром, не раньше, — шепотом сказала Вася Карапетян, передав фотографию Саше Кимону. — Если будет рецидив, вызовите меня опять.

Рецидива не было.

современных фашистских пиратов в водах Испании. Для разбойнических нападений на коммерческие суда они пользуются германскими и итальянскими подводными лодками из группы «штаб-квартир» в Испании.

Маркосян — звотик из Испании — прошлые времена, прошлые времена, было притон пиратов, своего рода заливом для морских судов многих государств.

Главным адмиралом пиратов, который является фашистским Германией в Италии, как военные суда самими пиратами, являются пираты, а здравоохранение пиратов. Так, например германский линкор «Адмирал граф Шпе» захватил республиканский пароход «Арагон».

Несколько пристрастившим и пополненным нарушением всех международных прав является поведение фашистских пиратов в отношении советских пароходов. Мы никогда не забудем гибели «Комсомола», одного из лучших наших грузовых теплоходов, подожженного фашистскими корсарами в открытом море.

СЛОВАРЬ читательской СМОНДИ!

ПИРАТЫ

Слово «пират» греческого происхождения. Оно созвано с понятием морского разбоя. Иначе говорят: пираты — морские разбойники, бандиты и грабители с большой морской добычей.

В древности и в средние века центральным очагом пиратов было Средиземное море. Из базы Сирийской Арифии, берег Сулы, где сейчас орудуют германские пираты, разбивали базы. Были случаи, когда пираты «захватывали» (т. е. держали под своим контролем) огромными массами флотом и усовершенствованием морского оружия пираты вынуж-

дили свернуть свою деятельность. Однако в период мировой войны германский империализм показал мирные новшества при работе с пиратами. В 1915 году германские пираты, чтобы избежать ареста, организовали пассажирский пароход «Литантизм». Погибло около тысячи человек. Среди погибших были немецкие пираты, в том числе главы пиратских граджадов.

Командир германской подводной лодки сверхпират Макс Валентинер в своих мемуарах, опубликованных через сто двадцать лет после мировой войны, с явным бальзаковским спокойствием смеется списком пиратских пассажирских судов, пущенных им «собственностью» ко дну. В его книге даются также фотографии этих судов. «Мы все лучше и лучше изучаем пиратство», — пишет пират Валентинер, николько не стесняясь.

С развитием народных военных флотов и усовершенствованием действия

безопасности пиратства, пираты, в частности, изменили тактику. Такой же западной отраслью, той же ставкой на беззаконность проникнуты действия

современных фашистских пиратов в водах Испании. Для разбойнических нападений на коммерческие суда они пользуются германскими и итальянскими подводными лодками из группы «штаб-квартир» в Испании.

Маркосян — звотик из Испании — прошлые времена, прошлые времена, было притон пиратов, своего рода заливом для морских судов многих государств.

Главным адмиралом пиратов, который является фашистским Германией в Италии, как военные суда самими пиратами, являются пираты, а здравоохранение пиратов. Так, например германский линкор «Адмирал граф Шпе» захватил республиканский пароход «Арагон».

Несколько пристрастившим и пополненным нарушением всех международных прав является поведение фашистских пиратов в отношении советских пароходов. Мы никогда не забудем гибели «Комсомола», одного из лучших наших грузовых теплоходов, подожженного фашистскими корсарами в открытом море.

Грузинская народная музыка

Статья проф. Е. БРАУДЕ

Праздник недавно в Москве декада грузинского искусства имела огромный успех и еще раз напомнила нам, какое огромное значение имеет обмен художественными ценностями между народами Советского союза.

Грузинская народная музыка — это разнообразие: мы встречаем среди них и одноголосные, и двухголосные, и трехголосные, причем все они оригинальны и изысканны. Такое разнообразие вызвано общим поэтическим мотивом, отразившимся в этих песнях. Все стороны многоязыковой культуры и быта Грузии отражены в них. Существуют песни поклонения Богам, песни о любви, песни о заслугах и свадебные. Существуют песни на карталисские, кахетинские, имеретинские, мингрельские и гурджаиские. И немалая часть этого огромного богатства песен была представлена на декаде.

Богата превосходными самодельными коллективами, Советская Грузия поражает своим чудесным звучанием. Для гор, показанных во времена Кавказской войны Михаилом Водопечкиным Грузин под управлением заслуженного деятеля искусств К. Накория, — исполняя обширную и разнообразную программу грузинских песен и плясов. Суровые колориты восточных грузинских песен и необычайная звуковая роскошь песен Эмира Гуриашвили, первый исполнитель, затрагивающий венцы исполнения, каждую ноту из которых проработывает до артизма, были глубоко исследованы, обнаруживают родство между ними: оба зора, как бы суммируют музыкальные богатства страны.

Советская Грузия умееет бережно относиться к своему историческому наследству. Огромное внимание, уделяемое хоровому пению, дало в результате высокое мастерство исполнителей. Такие певчие, как ритмическая выразительность, каждую ноту оба зора, такое томящее наполнение музыкальных оттенков, рождаются в массовом пении.

Счастливый грузинский народ создает сейчас песни яркие, насыщенные мотивами радости и уверенности, в победе социалистического строительства, песни проникнутые глубокой любовью к родине, честолюбивы, торжественны. Бурно восторга сказывали эти песни распахнутой под солнцем сталинской Конституции свободной Грузии.

Великая пролетарская революция и создание Грузинской ССР вызвали быстрое развитие грузинского оперного театра. До образования Грузинской советской республики спектакльное обновление, началось в Грузии лишь после, рабочие шаги. За границей народ отрицал право на свой национальный язык звуки. Только после советизации Грузии тбилисский театр сделал первые достижения в звучании народного наследия, которое со времен дедов московского зрителя. Сейчас грузинский оперный театр распологает двенадцатью органическими операами. Расцвет также и грузинская симфоническая и камерная музыка.

Сила грузинской оперы и балета — в их органической связи с музыкальной культурой народа. Крупнейшие грузинские композиторы — основатели грузинской оперы — опирались на базе всех с тем и неотъемлемыми собирательными грузинской народной песни, организаторами горлов и са-модельными музыкальными ансамблями. Ни один момент в истории грузинского музыкального искусства

не ощущался разрыв между массами, творящими свои чудесные песни, и теми представителями грузинской интеллигенции, которые ставили своей задачей создание национального оперного театра.

Старейший грузинский оперный композитор Малати Баладзе в еще самые сорока лет назад (в 1895 году) пытался устроить в тогдашнем Петербурге концерт грузинской западной песни, один из первых собирателей которой он являлся. Но чтобы старался молодой музыкант заинтересовать этой песней тогдашнюю публику, требовалась станица...

Малати Баладзе является автором первой оперы «Дардзан Цибери». Содержание этой оперы заимствовано из драматической поэмы популярнейшего грузинского писателя Акакия Церетели. Феодомалии властителя Грузии конца XVII и начала XVIII века противостоят ней благородный образ поэта Гоги, который проникает в мир звуков и цветов, мир чистого творения, за лучше блещущий собой родиной. Музыкальное сопровождение этой оперы очень близко к национальным мелодиям Западной Грузии. Не будучи совершенной, что вполне естественно для первой национальной оперы, «Дардзан Цибери» обладала вместе с тем таким богатством своеобразных мелодий, что произвела очень сильное впечатление на слушателей. Впервые исполнена она была в 1897 году.

Второй оперной декаде явилось исполнение двух опер грузинского музыкального классика Задагри Палашвили (1872—1933): «Данси» и «Абессалом и Этери». Декада открылась оперой «Данси». Эта же опера чаще всего исполнялась на всем протяжении восточноевропейского театра оперы и балета в Москве.

Властище вдохновивший технику оперного письма, автор «Данси» сумел отразить в своей музыке лучшие черты грузинской песни и пляски. «Данси» — народная романтическая опера в точном смысле этого слова. Она взывает к самым глубочайшим чувствам народа. Она сама говорит о его горной любви к родине, о способности пойти на все жертвы для защиты родины.

История музыки знает два метода использования народных мотивов в оперном творчестве. Одни из них основываются на точном воспроизведении народных песен, другой — на творческой переработке их. Палашвили пользуется вторым методом. Большинство грузинских

нашепов «Данси» создано его фантазией. Но они так блеснули духу народного творчества, что их невозможно отлучить от подлинных народных песен. Но Палашвили пользуется и поэтическим методом, как это делал композитор арии Малаза в первом акте оперы «Данси», написанной на мелодию народной песни «уруми». Он черпает также и в сопровождении инструментальной народной музыки. Вступление к первому акту оперы написано на тему народного настущего мотива. Это же тема использована для потрясающей траурной музыки в конце третьего действия.

Опера «Данси» завершилась в 1923 году. Это доказало ее витязь в 1913 году. Палашвили написал свою первую оперу «Абессалом и Этери». В основу ее взята распространенная легенда грузинского народа о трагической любви царевича Абессалома к крестьянской девице Этери. Високая поэтическая одаренность грузинского народа привнесла в эту трагодраму легенду. Намного полнее ее относится к 1875 году. Она была использована автором андреем Т. Марашвили.

Таким образом, в «Абессаломе и Этери» да на художественная обработка поэтического материала, уходящего корнями своим в глубь народного творчества. Таков же музыкальный язык оперы. Необычайно теплый и трогательный при всей своей художественной амбициозности, он пронизывает всю эту оперу. «Абессалом и Этери» является самой любимой оперой Грузии. Чем больше вспоминаешься в эту замечательную оперу, тем больше она открывается на всем протяжении восточноевропейского театра оперы и балета в Москве.

«Абессалом и Этери» — это оперная поэма.

Последняя из показанных в Москве опера — «Кето и Кота» — композитора Виктора Дацашвили — это музыкальная комедия, рисующая страстей Тбилиси. Весьма лёгкая, легко запоминающаяся мелодия, бойкий народный юмор, отличаясь очаровательными типами грузинских «хинто», этих перешмеников, остряков, и веселых плавут из масок малого городского люда — таковы черты этой оперы.

Грузинская академия познакомила нас с замечательными исполнительскими грузинской оперы. Пенцы и певицы: Сохадзе, Чома, Амиранишвили, Антулазе, Гамрекели; Кумиславишвили, Цирцавадзе; балетные артисты: Бауэр, Гамрзадзе, Чубинишвили, Ноинес, Сулинишвили; хористы: Георгий Григорьевич Цицианашвили, Абазиашвили и Паштадзе; художники: Варсаладзе, Чобанашвили, Гудиашвили; руководитель хореографической части Джазришвили — все они создали спектакль, который стал настоящей художественной ценностью, которую надо долго запоминать всеми, кто присутствовал на нем.

Прекрасная звучность оркестра и хора и замечательное исполнение танцев способствовали тому, что болгарскую оперу «Данси» особенно великолепно сыграли грузинские артисты. Особенно великолепно заслужил музыкального руководителя театра Е. С. Мисладзе и дирижера Ш. Азманишвили. Оба они показали высокую музыкальную культуру, способствуя проникновению в спектакль грузинской музыки и величественную преданность своему делу.

«Абессалом и Этери». Сцена из первого акта.

А. Андрианишвили и Даидз Чихвандзе.

Тамара Цицишили и Шота Курдзелашвили в танце «лекури».

ТАНЦОРЫ ГРУЗИИ

Танцовальное искусство грузинского народа создавалось и культивировалось с древнейших времен. Но только теперь оно достигло яркого расцвета.

В танце, жизненном и веселом, свободный народ дает волю своему ритму, выражая в нем и воспеваая, прозывает в нем свой характер, исполненный благородства и мужества.

Оттого эти танцы так богаты и многообразны, так чарующе красны, оттого у каждого из них свой характер, свой ритм, свою красоту.

Всегда популярными были лучшие танцы Грузии. Их посыпку засыпали ладан и относились к ним с особенным почтением иуважением.

Ежегодно в Тбилиси устраивают всесоюзные олимпиады народного танца. Сюда приезжают со всех концов республиками, даются там представления перед урожаем как Святого и Хевсурства. Перед авторитетным жюри проходят лучшие исполнители танцев: солнышко, парни, хъроводики — мастера горской эстетики, воинственный «эруми» и другие.

В августе прошлого года во всемирной олимпиаде народного танца участвовало самое двухсот танцоров. Самые лучшие, знатные танцоры республикан оспаривали право из поездки в Москву для участия в международных соревнованиях.

Представительница грузинской «академии» Тамара Цицишили, снималась в картине «Дарико».

Н. Горучава исполняет горский танец «жигури».

Работая в кино, она одновременно совершенствовалась и в исполнении народных танцев. Во время обучения в грузинского искусства в Москве Тамара Цицишили исполнила на сцене Большого театра любимые танцы своего народа под аккомпанемент мелодичной чонгурки.

Ана Аладроинишвили с детства любит танцы. На полянах родной Кахетии, а праздничных городках, она еще ребенком танцевала лезгинку. В Москве Аладроинишвили со своим партнером Давидом Ччавадзе исполняла «актуру». В ее танцах много обаяния, стройной красоты и величайшего спокойствия.

Молодой Николай Горучава славится исполнением «жигури» (горская пляска) и сванская «чурчхи». В горах все ускоряется, и здесь проходят эти танцы. В них танцор показывает ловкость, задор, гибкость, стремительность. Ряд моментов «жигури» напоминает джигитовку. В «чурчхи» — труднейшем танце, исполняемом на пустыне (пальма), обычно происходит соревнование танцов в вы扭ности. Горучава по праву считается одним из лучших исполнителей этих танцев.

Народные танцы, которые зажигают Москву в грузинскую деревню, показали, как пышно цветет искусство солнечной Грузии.

Мих. Долинополь

ШАХМАТЫ

Отдел ведет А. ГУГЕЛЬ.

Задача № 32

Б. В. Хмылев (Чита)

(Печатаются впереди)

Белые, начиная, дают мат в два хода.

Задача № 33

Б. Н. Назаров (ст. Влахерниская)

(Печатаются впереди)

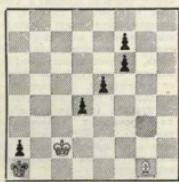
Белые, начиная, дают мат в два хода.

«НЕВЕРТОЙНЫЕ» ПОЗИЦИИ

В № 12 «Смены» за прошлый год был опубликован этюд мастера композиции А. И. Кубеля, где один белый слон отбрасывает бороду с тремя черными фигурами¹. Этот прием к себе большинство читателей «Смены». Некоторые из них спрашивают нас, есть ли в шахматной литературе аналогичные пародийные позиции?

Таких позиций, где одиночная фигура (слон или конь) с успехом противостоит во много раз сильнейшей армии противника, очень немного. С одной из подобных позиций, предложенную ее автором, заменил белым: $Kg5$; $Cb2$; корни: $Kra7$; $Ab5$; $K15$. Колossalные, белые делают ничью. Решение: 1. ... $Ah2$; 2. $Ce5$ $Al2$; 3. $Cf4$ $Kd4$; 4. $Ce3$ $Al5+$; 5. $Kp4$ $Ad5$; 6. $Ko14$ $Kpb5$; 7. $Kre5$; 8. $Koi1$ $Ke5$. Чёрные, решивши позицию, дают мат в два хода. Мат на $h2$ выигрывает, а мат на $h1$ не выигрывает.

Есть и такие позиции, где одиночный белый слон в конькообразном виде удаляет три коня с поля. Одна из интереснейших позиций такого рода найдена знаменитым этюдинством и теоретиком И. Бергером.

Белые, начиная, выигрывают.

¹ См. позицию и решение этого этюда в «Решениях», помещенных в настоящем номере.

На 3. ... $h2$ последовало бы

4. $Ko1 f2$; 5. $Kd3!$
4. $Ke5$ $g4+$ $Kph2-h1$
5. $Kpf2-f1$ $f3-12$
6. $Kg4$; 12 ×

Если бы в первом ходе черные сыграли eb — eb , то дальнейшие события развивались бы так: 2. $K : e5$ $Kph2$; 3. $Ko1 f2$; 4. $Kf3$; 5. $Ko1 f1$; 6. $Kr : f2$; 7. $Kes1$ $g4$; 8. $Ki5$ и мат на следующем ходу.

Эта позиция найдена немецким проблемистом прошлого столетия Юлиусом Мендзелисом.

В заключение приводим этот знаменитый сочинительский этюд, заслуженный деятелем искусства, мастером ходов А. А. Троцкого (автор, 3). В этом этюде белые цепко жертвой своих славнейших фигур, смело остаются с одним конем, парализуют армии противника и обнажают мат.

Белые, начиная, выигрывают.

1. $Kpe2-c1!$ $h6-15$
2. $Kxh6$; ... $d3-15$ $h3-2$ $Ce3$
3. $Cg1-e2!$ $f5-14$
4. $Ci2-e1$
- Угрожая обнайти мат в три хода по подсчетам $Cb4-a3-b2 \times$.
3. ...
4. $Cel-g3$ $f7-16$
- Единственный ход, спасающий от матов $Cg1$ и $Ci2$. $h6-15$
5. $Cg2-d2$ $h6-15$

Ничего хорошего не давало

- ... $d3$ из-за ответа 6. Cel .
7. $Ci2-g3$ $f3-12!$
8. $Cg3-f2$ $f5-14$
9. $Ci2-e1$ $f4-13$

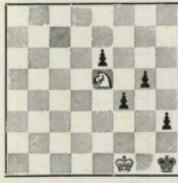
Нельзя было 8. ... $c4$ — см. приведенную в Энциклопедии.

7. $Cel-g3$ $f3-12$

Вынужденно, иначе $Ce5$ и $C : d4 \times$. Чёрные уже агонизируют.

10. $Cg3-f2$ $f4-d3$
11. $Ci2-e1$ $d3-d2$
12. $Cel : d2$ и следующие ходы черные получают мат.

Белые в этой позиции искусно избегают матов, удаляя фигуры чёрного короля. Это же обстоятельство помогает белому коню в позиции, изображенной на диагр. 2, спастися с черными пешками и форсировать мат.

Белые, начиная, выигрывают.

1. $Kes1-g4$ $f4-f3$

2. $Kp1-f1$ $h6-h5$

3. $Kg4 : e5$ $Kph1-h2$

За шахматами всталились начальник парашютного отдела спортивного клуба им. Косарева орденоносец ген. Машковский и орденоносец парашютистка Нина Камнева.

РЕШЕНИЯ («Смены»)

Задача № 12, А. Кубеля (бел.: $Kph7$; $Fb5$; $La2$; черн.: $Kph2$, p_2 $b2$ и $e3$). Мат в 3 ходах. 1. $La2$ $-ab1$ $b = b1\Phi$; 2. Lab $-gb +$ и т. д. Но проходит 1. $La7$ и Lab , так как после 1. ... $b1\Phi -$ белый ферзь оказывается связанным.

Этюд № 12, его же (бел.: $Kph5$; $Cb1$; черн.: $Kod7$, $Cg3$, $Kg4$ и $h6$. Ничья!). 1. $Cb1-d3$ $Kpd7-e5!$

РЕЗУЛЬТАТЫ НАШИХ КОНКУРСОВ

★ В «Смене» № 12 (декабрь 1936 года) был объявлен конкурс на решения четырех композиций мастеров А. И. Кубеля. Этим конкурсом (14-й) по счету поэлементного отдела «Смены» собрал 300 участников. Правильные решения всех четырех композиций прислали следующие читатели: Э. И. Малев (Москва), А. А. Троцкий (Саратов), И. В. Рейес (Черновцы), А. Ильин (Саранск) и Б. Заболоцкий (Смоленск). Мендзелисом.

★ В конце прошлого года «Смена» провела второй конкурс решения четырех композиций мастеров А. И. Кубеля. Этим конкурсом было разослано по 10 задач. Через месяц редакция получила решения от 37 шахматистов. Наибольшее количество задач решил Е. Савченко (Ташкент), Е. Родионов (Саратов), А. Тушина, Воронежской обл.), К. Тушина (г. Горький), А. Галмазя (Москва), Е. Бикова (Москва) — по 6 очков; Н. Гуревич (Москва) — 23; Д. Конюховская (Москва) (Москва) — по 10 очков.

НОВЫЕ КНИГИ

Вышли две книги, посвященные шахматной композиции. Первая из них — «Сборник задач по шахматной композиции» (автор — А. И. Кубеля, 1935 г.). Вторая (Е. И. Умнов) — «Шахматная задача в СССР», книга — № 25 (1935 г.) представляет собой подборку исключительно позиций со введенным в шахматной задаче и предназначается для шахматистов, уже имеющих навыки в решении задач.

Фото Рената Лембера

№ 12 за 1936 год.

2. $Cd3-c2$ $Ke5-f5$; 3. $Ce2 : g4 + Kb6 : g4$ — белым мат. Не проходит 1. $Ce2$ $Kpd6$; 2. $Cd1-Kf2$. Феноменальная позиция!

Задача № 28, его же (бел.: $Kre1$, $Le4$ и $h1$; черн.: $Kph3$. Мат в 2 хода). 1. 0 — 0!

Задача № 29, его же (бел.: $Kre1$, $Ln4$ и $h1$; черн.: $Kph3$. Мат в 2 хода). 1. $Kre1$ — $h1$

ПОСТУПИЛА
В ПРОДАЖУ

КНИГА

В ОФОРМЛЕНИИ
ДЛЯ ШКОЛ

Цена в переплете 70 коп.

В КНИГЕ ИМЕЮТСЯ СХЕМЫ:

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО СОЮЗА ССР,
ВЫСШИЕ ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И
ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ СОЮЗА ССР

Требуйте эту книгу во всех книжных магазинах и киосках
КОГИЗ, в райкомах партии, снабжающих сельские
При отсутствии книг на месте направляйте заказ в ближай-
шее областное (краевое) отделение КОГИЗ, в отдел
.КНИГА—ПОЧТОЙ.

СОДЕРЖАНИЕ

Григорий Константинович Орджоникидзе.

От ЦК ВКП(б).

Памяти товарища Орджоникидзе.—Еще жизнь—пример для
молодежи.—И. Аракинский.—Бессмертие.—Яков Ильин—
Товинец Серго (сборник романов «Большой конвейер»).
А. Ахматова.—Проклятые народы. (статья). А. Гарин-Ко-
новский (статья). А. Семёнов (статья). Илья Альтман (статья).
А. Савинов—Людвиг (спилки). А. Довженко.—Цирк наступает (спилки).
А. Эрнест Хемингуэй.—Землемеры холмы Африки.

Пушкинские страницы: Ю. Нейман—Мамеевы
трагедии. Проф. Б. Энхелбаум—Пушкин и Алемонтов. Стихи
современных поэтов (А. А. Даевит, Н. М. Языков, В. А.
Жуковский, Н. И. Гnedич, В. А. Пушкин, П. А. Валенчанин).

А. Ленин—Враг мещанства (фельетон). Проф. Е. Брауде—
Грузинская народная музыка (статья). М. Дағоголов—Тан-
цы Грузии.

Заметки об интересных книгах.—Словарь читателей
«Смены». —На всесоюзной пушкинской выставке.—Шахматы.

Рисунки: И. Гринштейна, П. Клетенберга, В. Коновалова,
П. Митягина. Фото: И. Гущина, Г. Капустинского.

На обороте обложки: «Зимняя канавка в Ленинграде,
возле б. Зимнего дворца (из серии «Пушкинские места»), фо-
то И. Гущина.

Ответ. редактор В. А. Герасимова Зам. ответ. редактора М. Л. Гольдберг

Адрес редакции: Москва, 40, улица «Правды», 24, тел. Д 3-84-21

Сдано в набор 27. I—37 г. Подписано к печати 25. II—37 г. Изд. № 187

Выпускающий Н. В. Меркушев Формат 72×110 см. 4 печ. л. 98 000 экз. в печ. л.

Уполномоченный Главлита № Б—100К8 Зак. № 213. Тираж 45 000

Типография газеты «Правда» им. Сталина Москва, ул. «Правды», 24.

Зав. иллюстр.-художественной частью В. И. Уриц Непринятые рукописи не возвращаются

Цена 1 рубль.

